



eISSN 2311-2468
Том 5, № 5. 2017
Vol. 5, no. 5. 2017

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>



АРАБИДЗЕ И. Т., САБЛУКОВ А. В.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. В современной военно-социальной политике Российской Федерации важное место занимают вопросы государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы и членов их семей. В статье приводятся правовые акты, регулирующие эту сферу, и анализируются тенденции в изменении ситуации с государственной поддержкой указанных категорий граждан в последние годы. Определены основные проблемы в законодательном регулировании их государственной поддержки, сформулирован ряд предложений по устранению имеющихся пробелов.

Ключевые слова: военная служба, государственная поддержка, инвалиды, военная травма.

ARABIDZE I. T., SABLUKOV A. V.

**GOVERNMENT SUPPORT FOR MILITARY SERVICE-DISABLED PERSONS
AND THEIR FAMILIES: STATUS AND CURRENT ISSUES**

Abstract. The current military-social policy of the Russian Federation pays a lot of attention to the state support for the persons who are disabled as a result of war injuries and diseases obtained during the military service, and their families. The article presents the legal acts regulating this sphere, analyzes the trends of state support for these categories of citizens in the recent years. The authors reveal the major problems in the legislative regulation of state support for military service-disabled people and their families. A number of proposals to fill the legislative gaps are offered.

Keywords: military service, government support, disabled persons, military trauma.

Специфика военной службы такова, что вероятность получить травму весьма высока. Такой вред здоровью в отношении военнослужащих именуется «военная травма». Определяется это состояние военно-врачебными экспертами, которые руководствуются Положением о военно-врачебной экспертизе, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 04.07.13 года № 565. Пункт 94 этого документа описывает военную травму как телесное повреждение, полученное при исполнении военных служебных обязанностей [3]. Таким образом, инвалиды в результате военной травмы – это военные, утратившие здоровье из-за телесных повреждений, полученных при исполнении воинских обязанностей, которым специальной комиссией присвоена инвалидность той или иной степени.

В настоящее время обязательства государства по обеспечению социально-правовой защищенности инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, наступают в отношении военнослужащих, увольняющихся с военной службы в связи с получением военной травмы или по болезни, после признания за ними инвалидности, а также, если инвалидность наступила сразу после увольнения с военной службы (в течение 5 лет после ее окончания).

Необходимость социально-правовой защиты инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, обусловливается важнейшими социальными правами и гарантиями, закрепленными в законодательных актах государства и субъектов Российской Федерации, направленных на удовлетворение необходимых материальных и духовных потребностей людей с ограниченными возможностями и на предоставление им возможно максимальной компенсации за ущерб, причиненный здоровью вследствие выполнения обязанностей военной службы.

Меры государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы регулируются целым рядом законодательных актов, основными из которых являются:

- Закон РФ от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах»;

- Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»;

- Федеральный закон от 16 мая 1995 г. № 75-ФЗ «О распространении действия Закона Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» на военнослужащих, а также лиц рядового и начальствующего состава, курсантов и слушателей учебных заведений Министерства внутренних дел Российской Федерации, выполняющих и выполнявших задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике»;

- Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»;

- Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»;

- Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 20 декабря 2006 г. № 284-ФЗ «О социальных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу в воинских формированиях Российской Федерации, дислоцированных на территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Киргизской Республики, а также лицам, работающим в этих формированиях»;

– Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

Помимо перечисленных законов, которые изданы специально для регулирования тех или иных областей военно-социальных отношений, в сфере военно-социальной политики действуют также другие законы, содержащие правовые нормы, учитывающие специфику их применения в отношении инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы и их семей. К ним относятся:

– Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 29.11.2010 года №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 19.07.2011г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. N 181-ФЗ «О внесении изменения в статью 24 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»;

– Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года № 142 «О финансовом обеспечении и об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10, 13 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (в редакции от 10.02.2016г. № 92) ежемесячная денежная компенсация назначается военнослужащим, проходившим военную службу по призыву, и военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, гражданам, призванным на военные сборы, пенсионное обеспечение которых осуществляется Пенсионным фондом Российской Федерации, и членам их семей.

Перечень льгот, предусмотренных для инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, достаточно обширен. Различные министерства и ведомства и субъекты РФ проводят работу по совершенствованию механизма реализации принятых законодательных актов. Медико-социальная защита инвалидов входит в число приоритетных национальных проектов и находится под постоянным контролем федеральных органов исполнительной и законодательной власти. Основными направлениями государственной политики в отношении инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, являются:

- реализация мер социальной поддержки, установленных федеральными законами и нормативными правовыми актами для инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, и членов их семей;
- выделение из бюджетов различных уровней средств, необходимых для реализации мер социальной поддержки.

За гражданами Российской Федерации, уволенными с военной службы и ставшими инвалидами вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения военной службы законодательно закреплено: бесплатное медицинское обслуживание, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением зубных протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов); бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам выданным врачом, изделиями медицинского назначения в ведомственных медицинских организациях; лечение в санаторно-курортных учреждениях указанного федерального органа за плату в размере 25 процентов стоимости путевки; медицинское обслуживание в лечебных учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения за счет средств обязательного медицинского страхования в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования и базовой программы обязательного медицинского страхования.

В настоящее время меры социальной поддержки по оплате жилой площади, коммунальных услуг, установленные Федеральным законом от 12 января 1995 года №5-ФЗ «О ветеранах» (далее – Федеральный Закон «О ветеранах»), указанной категории граждан сохранены независимо от получения пенсий по ведомственной принадлежности (за исключением льгот по оплате за телефон).

В соответствии со ст. 14 Федерального закона «О ветеранах» инвалидам войны, к которым относятся инвалиды боевых действий, предоставляется льгота: оплата в размере 50

процентов коммунальных услуг (водоснабжение, водоотведение, вывоз бытовых и других отходов, газ, электрическая и тепловая энергия – в пределах нормативов потребления указанных услуг, установленных органами местного самоуправления); инвалидам войны, проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, – топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого топлива. Обеспечение топливом инвалидов войны производится в первоочередном порядке. Меры социальной поддержки по оплате указанных услуг предоставляются независимо от вида жилищного фонда.

С 1 января 2005 года некоторые меры социальной поддержки лиц, относящихся к федеральным льготникам, предусмотренные Федеральным законом «О ветеранах», заменены ежемесячными денежными выплатами (ЕДВ), которые, независимо от ведомственной принадлежности по пенсионному обеспечению, устанавливаются и выплачиваются территориальными органами Пенсионного фонда Российской Федерации.

Кроме того, они имеют право на получение набора социальных услуг (социального пакета), который включает в себя:

- дополнительную бесплатную медицинскую помощь, в том числе обеспечение необходимыми лекарственными средствами по рецептам врачей, предоставление бесплатной путевки на санаторно-курортное лечение при наличии медицинских показаний, бесплатный проезд на междугородном транспорте к месту лечения и обратно;

- бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте.

Решение вопросов обеспечения необходимыми лекарственными средствами возложено на медико-санитарную помощь по месту жительства.

Перечень лекарственных средств, отпускаемых по рецептам врача (фельдшера) при оказании дополнительной бесплатной медицинской помощи отдельным категориям граждан, имеющим право на получение государственной социальной помощи, утвержден приказом Минздравсоцразвития России от 2 декабря 2004 года № 296 [2].

В случае недостаточности лекарственной терапии при лечении отдельных заболеваний по жизненно важным показаниям могут применяться иные лекарственные средства по решению врачебной комиссии, утвержденному главным врачом лечебно-профилактического учреждения.

Инвалидам боевых действий разрешается использование ежегодного отпуска в удобное для них время и предоставление отпуска без сохранения заработной платы сроком до 60 календарных дней в году. Инвалидам I и II групп при недостаточности ежегодного и ежегодного дополнительного отпусков для лечения и проезда в санаторно-курортные организации и обратно разрешается выдавать листки временной нетрудоспособности на

необходимое число дней и производить выплату пособий по государственному социальному страхованию независимо от того, кем и за чей счет предоставлена путевка.

Преимущественным правом на поступление в государственные и муниципальные образовательные учреждения среднего профессионального образования и государственные и муниципальные образовательные учреждения высшего профессионального образования пользуются дети лиц, погибших или умерших вследствие военной травмы либо заболеваний, полученных ими при участии в проведении контртеррористических операций и (или) иных мероприятий по борьбе с терроризмом.

Дети сотрудников органов внутренних дел, проходивших службу по контракту в МВД Чеченской Республики и погибших при исполнении служебных обязанностей, или сотрудников органов внутренних дел, проходивших (проходящих) службу по контракту в МВД Чеченской Республики и получивших травму, увечье, заболевание, препятствующие дальнейшему прохождению службы, принимаются без вступительных испытаний в образовательные учреждения МВД России при условии их соответствия всем другим требованиям профессионального отбора и приема в указанные образовательные учреждения.

При равенстве общего количества баллов преимущественное право на зачисление в образовательные учреждения среднего профессионального и высшего профессионального образования и бесплатного обучения в них получают дети умерших (погибших) Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы при условии, если образование данного уровня они получают впервые.

Инвалиды боевых действий, в соответствии с Федеральным законом «О ветеранах» принимаются вне конкурса в государственные образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, на курсы обучения соответствующим профессиям. Предусмотрена выплата специальных стипендий, устанавливаемых Правительством Российской Федерации, студентам из числа инвалидов войны, обучающимся в указанных образовательных учреждениях.

Кроме того, инвалиды вследствие военной травмы или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением обязанностей военной службы, повлекшего стойкую утрату трудоспособности, имеют право на получение ежемесячной денежной компенсации в размере утраченного денежного довольствия по состоянию на день увольнения со службы за вычетом размера назначенной пенсии по инвалидности.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года № 142 «О финансовом обеспечении и об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10, 13 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (в редакции от

10.02.2016 г. № 92) ежемесячная денежная компенсация назначается военнослужащим, проходившим военную службу по призыву, и военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, гражданам, призванным на военные сборы, пенсионное обеспечение которых осуществляется Пенсионным фондом Российской Федерации, и членам их семей. Ежемесячная денежная компенсация выплачивается военнослужащим или гражданам, призванным на военные сборы, которым в период прохождения военной службы (военных сборов) либо после увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных сборов) установлена инвалидность вследствие военной травмы [4].

Установленный с 1 января 2010 г. порядок выплаты пенсий инвалидам в зависимости от группы инвалидности, а не от степени ограничения способности к трудовой деятельности позволил увеличить размер пенсии тем гражданам, у которых группа инвалидности выше, чем степень ограничения трудоспособности, а также назначать пенсию инвалидам, не имеющим степень ограничения способности к трудовой деятельности.

1 мая 2016 г. подписана новая редакция Федерального закона № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 г., которая определяет, что инвалиды вследствие военной травмы должны получать компенсации в зависимости от степени утраты трудоспособности, а не от вида получаемой пенсии. Законом установлено, что при установлении инвалидности вследствие военной травмы, исключившей возможность гражданину дальнейшего прохождения службы, ему выплачивается ежемесячная денежная компенсация, с последующим взысканием суммы компенсации с виновных лиц. Размер такой компенсации рассчитывается исходя из размера месячного оклада (содержания) и размера ежемесячной надбавки за стаж, с применением следующих коэффициентов: для инвалидов 1 группы – 1; для инвалидов 2 группы – 0,5; для инвалидов 3 группы – 0,3 [7].

С 1 января 2012 года вступил в силу Федеральный закон от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», гарантирующий военнослужащему или гражданину, призванному на военные сборы, при установлении инвалидности вследствие военной травмы, выплату ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного его здоровью, в твердых размерах в зависимости от группы инвалидности [5]. Таким образом, с 2012 г. инвалиды вследствие военной травмы дополнительно к пенсии стали получать ежемесячную денежную компенсацию.

С 1 февраля 2016 года произошло увеличение на 7% ежемесячных денежных выплат с учетом прогнозного уровня инфляции на текущий год. Это увеличение коснулось 16,5 млн. человек. Размер увеличения для каждой категории федеральных льготников индивидуален.

Изменения в размере ЕДВ для основных категорий федеральных льготников представлены в таблице.

Таблица

Изменения в размере ЕДВ для бывших военнослужащих, относящихся к льготным категориям с 1 февраля 2016 г.

Категория льготника	Размер ЕДВ до 01.02.2016 г.	Размер ЕДВ с 01.02.2016 г.
Инвалиды войны и участники Великой Отечественной войны, ставшие инвалидами	4481,47 руб.	4795,17 руб.
Военнослужащие ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей)	4481,47 руб.	4795,17 руб.
Участники Великой Отечественной войны	3361,09 руб.	3596,37 руб.
Ветераны боевых действий	2465,67 руб.	2638,27 руб.
Инвалиды вследствие чернобыльской катастрофы	2240,74 руб.	2397,59 руб.
Военнослужащие, получившие профессиональные заболевания, связанные с лучевым воздействием на работах в зоне отчуждения, ставшие инвалидами	2240,74 руб.	2397,59 руб.
Военнослужащие, получившие профессиональные заболевания, связанные с лучевым воздействием на работах в зоне отчуждения	1793,74 руб.	1919,30 руб.
Граждане из подразделений особого риска, имеющие и не имеющие инвалидность	2240,74 руб.	2397,59 руб.

При желании получатель пенсии может за счет ежемесячной денежной доплаты получить набор социальных услуг (НСУ). Размер набора социальных услуг с 1 февраля 2016 года – 995 руб. 23 коп. в месяц, который предоставляется всем получателям ЕДВ и включает в себя: лекарственные препараты для медицинского применения по рецептам, медицинские изделия по рецептам, специализированные продукты лечебного питания для детей-инвалидов; путевки на санаторно-курортное лечение для профилактики основных заболеваний; бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно.

С 1 апреля 2016 г. государственные, в том числе социальные пенсии, увеличены на 4%. Увеличение пенсий получили более 45 тыс. пенсионеров, являющихся получателями государственных пенсий (в т. ч. в качестве второй пенсии – 2314 чел.) и социальных пенсий. В среднем социальные пенсии увеличились на 300 руб. и их средний размер составил 8553 руб. (на 1 марта было 8251,22 руб.). Данные изменения коснулись военнослужащих, получающих пенсию по инвалидности и ставшими инвалидами в период прохождения военной службы по призыву, и членов их семей, членов семей, получающих пенсии по

случаю гибели военнослужащих, а также ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны.

Ранее, с 1 сентября 2005 г. указом Президента Российской Федерации от 1 августа 2005 г. № 887 «О мерах по улучшению материального положения инвалидов вследствие военной травмы» было установлено дополнительное ежемесячное обеспечение в размере 1000 руб. в месяц для инвалидов вследствие военной травмы [1]. Причем, не имеет значения, в период какой военной и приравненной к ней службы гражданин стал инвалидом вследствие военной травмы и связана ли указанная причина инвалидности с прохождением военной и приравненной службы в «горячих» точках либо исполнением других служебных обязанностей. Главное, чтобы в действующем документе учреждения медико-социальной экспертизы была указана причина инвалидности – «военная травма». Также не имеет значения, в какие годы получена эта инвалидность.

Увеличились размеры пенсий по государственному пенсионному обеспечению граждан из числа инвалидов вследствие военной травмы и участников Великой Отечественной войны, получающих две пенсии. Данные категории являются получателями двух пенсий: страховой и государственной. Страховые пенсии были проиндексированы с 1 февраля на 4%. Государственная пенсия увеличилась с 1 апреля 2016 г. также на 4% и с 1 февраля проиндексировано ЕДВ на 7%.

В итоге, средний размер пенсии по инвалидности участников Великой Отечественной войны составил 32 748 руб. в месяц; пенсии инвалидов вследствие военной травмы составил 30 546 руб. в месяц. Средний размер пенсии по инвалидности военнослужащих, проходивших военную службу по призыву, увеличился на 440 рублей и составил 12 165 руб. в месяц.

По данным Пенсионного Фонда России, после индексации с 1 апреля 2016 г. средний размер гражданской пенсии по инвалидности составляет 8 553 руб. в месяц, средний размер пенсии вследствие военной травмы (могут получать две пенсии: государственную пенсию по инвалидности вследствие военной травмы и трудовую пенсию по старости) – 30 546 руб в месяц. Таким образом, в октябре 2016 г. средний размер пенсии по инвалидности вследствие военной травмы превышает среднюю гражданскую пенсию по инвалидности в 3,57 раза и среднюю трудовую пенсию по России (12 440 руб. в месяц) в 2,46 раза.

Проведенный анализ состояния государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы и членов их семей, позволяет сделать ряд выводов:

1. Проблемы поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы и членов их семей постоянно находятся в центре

внимания органов государственной власти и управления и находят отражение в проводимой военно-социальной политике.

2. Существует ряд проблем в законодательном регулировании социальной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, участников боевых действий и членов их семей. Это, во-первых, множественность нормативно-правовых актов. Во-вторых, значительная часть правовых норм, содержащихся в указанных выше законах, не являются нормами прямого действия, а рассчитаны на совокупность подзаконных нормативных правовых актов. В-третьих, нестабильность законодательства, подверженность законов в данной сфере частым изменениям и, наконец, наличие значительного числа правовых пробелов и противоречий в законодательстве, регулирующем правоотношения в сфере военно-социальной политики Российской Федерации.

3. Исходя из сложившейся социально-правовой практике в Российской Федерации было бы целесообразно разработать и принять ряд специальных законов, регулирующих меры социальной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы и членов их семей. В частности, речь могла бы идти о таких законах, как «Об инвалидах военной службы» и «О льготах для военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях», в которых бы были закреплены статус и государственные гарантии для уволенных в запас инвалидов военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, льготы и возможности по реабилитации, а также приложен уточненный Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации, повлекших за собой гибель или непосредственную угрозу жизни лицам, находившимся на военной службе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РФ от 21 января 1993 г. N 4328-1 "О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах" (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/182576/#ixzz4ZbiCAgWZ>.
2. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 декабря 2004 г. N 321 "О внесении изменений и дополнений в приказ Минздравсоцразвития

- России от 2 декабря 2004 года N 296"). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12138301/#ixzz4ZcxjREvU>.
3. Постановление Правительства РФ от 4 июля 2013 г. N 565 "Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе" (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70411156/#ixzz4ZbgrWagm>.
 4. Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. N 142 "О финансовом обеспечении и об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 статьи 3 Федерального закона "О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат" (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70144112/#ixzz4ZcvzTynA>.
 5. Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/178405/#ixzz4ZbrSAEJi>.
 6. Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. N 181-ФЗ «О внесении изменения в статью 24 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/178405/#ixzz4ZbrSAEJi>.
 7. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12112505/#ixzz4ZczEq36V>.

РЯБОКОНЬ М. В.
АБИТУРИЕНТ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ПРОЦЕССЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Представлены характеристики поведения абитуриентов классического университета, выявленные в результате анкетного опроса студентов первого курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (n=588). Исследование посвящено проблеме поведения в ситуации выбора вуза на этапе подготовки и в процессе поступления, мотивам выбора вуза и профессиональным ориентациям.

Ключевые слова: абитуриент, классический университет, социальное поведение, взаимодействие, выбор вуза.

RYABOKON M. V.
PROSPECTIVE STUDENT OF A CLASSICAL UNIVERSITY
IN THE ADMISSION PROCESS

Abstract. The article presents the behavior characteristics of prospective students of a classical university found through a questionnaire survey of the first-year students of the National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (n=588). The study considers the behavior of prospective students when choosing the University at the preparatory stage and in the admission process as well as the motives of choosing the University and professional orientations.

Keywords: prospective university student, classical university, social behavior, interaction, choosing a university.

Процесс поступления в вуз – сложное и многоэтапное взаимодействие университета с абитуриентами и их родителями. Каждый участник этого процесса имеет разные цели и интересы. Так, университеты стремятся как привлечь наиболее талантливых студентов, заинтересованных в обучении по выбранному направлению подготовки, так и в хорошем конкурсе. В этой связи количество зачисленных на первый курс победителей и призеров заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников, победителей и призеров олимпиад школьников, средний балл ЕГЭ зачисленных абитуриентов являются показателями эффективности образовательных организаций высшего образования согласно ежегодному мониторингу, проводимому Министерством образования и науки РФ [1].

В свою очередь, построение эффективной системы профориентации и привлечения талантливых студентов в университет предполагает понимание мотивов поведения абитуриентов в процессе поступления. Важно понимать, какие этапы включает в себя этот

процесс, и каких целей стремится достичь абитуриент на каждом из этапов. Можно предположить, что существует множество подходов абитуриентов к определению целей при поступлении в вуз. Такое предположение основано на представлении З. Баумана о том, что в современном обществе в отсутствии очевидной и общей цели общественного развития и при наличии неограниченного количества привлекательных возможностей человек вынужден самостоятельно конструировать цели, исходя из имеющихся средств их достижения [2, с. 67–71]. Находясь в ситуации неопределенности, когда результат социального действия заранее не задан, абитуриент принимает решение исходя из поставленной цели и имеющейся информации о возможных прогнозируемых последствиях предпринятого выбора.

В целях изучения мотивов выбора высшего образования, направления подготовки и образовательной организации высшего образования абитуриентами классического университета в апреле-мае 2016 г. нами был проведен анкетный опрос студентов первого курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ННГУ). Применялась одноступенчатая квотная выборка (n=588). В выборке представлены студенты всех факультетов и институтов ННГУ, обучающиеся по очной форме, с сохранением соотношения численности студентов, обучающихся на бюджетных местах и на местах с оплатой стоимости обучения на договорной основе.

Подавляющее большинство (98%) абитуриентов, поступающих в ННГУ на очную форму обучения, выпускники средних школ, гимназий и лицеев, что подтверждает всеобщую ориентацию выпускников школ на получение высшего образования. Менее пятой части (17%) абитуриентов приезжают учиться в ННГУ из других субъектов Российской Федерации. Родители абитуриентов преимущественно имеют среднее профессиональное или высшее образование, причем матерей с высшим образованием несколько больше, чем отцов (61% и 49% соответственно).

На основе анализа некоторых характеристик поведения абитуриентов в процессе поступления были выявлены три основные стратегии:

1. Осторожное поведение (29,9%). Для абитуриентов из этой группы характерно случайное принятие решения о предоставлении оригинала документа об образовании в ННГУ, принятие этого решения в последний момент, подача документов в максимально возможное количество вузов на максимально допустимое количество направлений подготовки и неудовлетворенность результатами принятого решения. Такие абитуриенты перестраховались при поступлении и упустили возможность поступить на более привлекательное направление подготовки или в более предпочтительный вуз.

2. Целенаправленный выбор университета (36,5%). Абитуриенты в этой группе изначально ориентированы на поступление в ННГУ, довольны результатами поступления и

готовы повторить выбор университета и направления подготовки, если бы нужно было еще раз поступать в вуз. Для этих абитуриентов важным моментом оказались хорошее отношение к поступающим и приятная атмосфера университета.

3. Случайный выбор (33,6%). Для абитуриентов из этой группы характерны следующие особенности поведения: для них сложными оказались правила приема в вузы, было важно поступить хотя бы куда-нибудь, решение о выборе вуза было принято под влиянием сотрудников приемной комиссии, оригинал документа об образовании был предоставлен в вуз после звонка из приемной комиссии с соответствующим предложением.

Разница в подходе к достижению цели у абитуриентов, представляющих указанные группы, подтверждается и другими характеристиками поведения. Так, абитуриенты, целенаправленно выбирающие ННГУ, склонны заранее принимать решение о выборе вуза: 63% абитуриентов с данной моделью поведения приняли решение в пользу университета за год до поступления и ранее. В свою очередь абитуриенты, перестраховавшиеся при выборе вуза, чаще всего принимают решение при поступлении либо после сдачи ЕГЭ (34,8%), либо в последний момент перед подачей заявления (29,3%). Для 81% абитуриентов, случайно принимающих решение о выборе вуза, этот вопрос становится актуальным не ранее чем за год до поступления.

Абитуриенты, целенаправленно поступающие в ННГУ, более других ориентированы на возможность продолжения обучения в магистратуре (55,9%) и в аспирантуре (56,2%). Для них большое значение имеет возможность получить престижную специальность (86,9%) и ожидание, что учиться в университете будет интересно (88%) и возможность получить нравящуюся профессию (75,2%).

Для абитуриентов, выбирающих ННГУ случайно, более характерно ожидание, что учиться в университете будет легче, чем в других рассматриваемых ими вузах (26,3%). Для этой группы абитуриентов большое значение имеет поступление в ННГУ друзей (38%).

На этапе подготовки к поступлению значительных различий между представителями разных групп нет. Около половины абитуриентов готовятся к поступлению, занимаясь с репетитором. При этом только 24% абитуриентов считают, что хороший репетитор – залог успешного поступления в вуз. Подготовительные курсы при университетах теряют популярность среди выпускников школ: лишь 16% абитуриентов ННГУ перед поступлением посещали подготовительные курсы в университете или в других вузах. Это подтверждается и редким среди абитуриентов упоминанием окончания подготовительных курсов как условия успешного поступления в вуз (5%). 40% абитуриентов отметили, что самостоятельно изучали литературу и готовились к сдаче ЕГЭ.

Среди необходимых условий успешного поступления в вуз для абитуриентов ННГУ важнейшими представляются качества, способствующие правильной постановке целей и ее успешного достижения. Так, абитуриенты чаще всего называют следующие условия: упорство (55%), знание школьной программы (53%), трудолюбие (52%), общая эрудиция (45%) и углубленное знание отдельных предметов (42%). Невелико значение знакомств и связей как условия поступления в вуз (14%), что может служить положительной характеристикой организации приема в вузы по результатам ЕГЭ как основной формы проведения вступительных испытаний.

Хотя наиболее распространенным источником информации среди интернет-ресурсов для поступающих являются официальные сайты вузов, абитуриенты, случайно выбирающие вуз, менее других склонны ориентироваться на официальную информацию университетов (82,2%). Тем не менее, основным источником информации о вузах для абитуриентов остается не интернет (43%), а мнение друзей и знакомых (52%). В большей степени на него ориентированы абитуриенты с осторожным поведением при выборе вуза (55,5%), а менее всего – целенаправленно выбирающие вуз (49%). Практически утратили свое значение печатная реклама (13%), теле- и радиореклама (7 и 2% соответственно), реклама в газетах (5%), выставки вузов (2%).

Среди мотивов получения высшего образования для абитуриентов классического университета наибольшее значение имеют стремление быть образованным человеком (91%), желание иметь диплом о высшем образовании (85%), приобрести профессию, считаемую призванием (75%), возможность углубиться в интересующую область знаний (75%) и представление о том, что высшее образование дает больше возможностей хорошо зарабатывать (73%). Наименее распространенными являются инфантильные мотивы поступления в вуз, связанные с желанием отложить время вступления во взрослую жизнь (25%), нежелание сейчас начинать работать (21%), а также опасение, что без высшего образования невозможно найти работу (24%).

Незначительные различия наблюдаются и в профессиональных ориентациях абитуриентов университета. Более половины абитуриентов ННГУ планируют в будущем иметь собственный бизнес (59%). При этом наиболее ярко это намерение выражено у абитуриентов, выбирающих вуз случайно и ориентированных на получение высшего образования, а не на обучение в конкретном вузе (64,1%). Треть абитуриентов ННГУ видит свою будущую профессиональную деятельность связанной с коммерческой деятельностью (33%). Показательно, что среди выпускников средних школ, поступающих в классический университет, сохраняется несколько романтическая ориентация на занятие художественным творчеством (27% абитуриентов, 4 место среди предпочтительных видов профессиональной

деятельности), несмотря на слабую связь этого рода занятий с предлагаемым университетом набором направлений подготовки и специальностей высшего образования.

Полученные результаты позволяют сформировать общее представление об абитуриенте классического университета. Это выпускник средней школы, лицея или гимназии, ориентированный на получение высшего образования как на обязательный жизненный этап, стремящийся получить образование в вызывающей интерес области знаний и воспринимающий наличие высшего образования как обязательного условия жизненного успеха. При этом представления о будущей профессиональной деятельности у значительного количества абитуриентов сформированы нечетко: 15% абитуриентов вообще не задумывается о предположительной сфере будущей работы на этапе поступления в вуз, а почти треть видит свою будущую профессиональную деятельность связанной с художественным творчеством. Абитуриенты классического университета заранее задумываются над выбором образовательной организации высшего образования и направления подготовки и готовятся к поступлению, самостоятельно изучая специализированную литературу и посещая подготовительные курсы при вузе.

Таким образом, изучение особенностей поведения абитуриентов в процессе поступления, целей и мотивов поступления в вуз, выбора конкретного университета и направления подготовки, позволяет университету выстраивать эффективную систему профориентационной работы, имеющей одновременно несколько направлений:

1. формирование у большего количества абитуриентов модели поведения осознанного и целенаправленного выбора вуза и направления подготовки;
2. привлечение в университет наиболее талантливых и заинтересованных в обучении студентов;
3. уменьшение доли абитуриентов, случайно принимающих решение о поступлении в ННГУ.

Достижение указанных целей возможно при формировании у абитуриентов информированного представления о содержании обучения по выбранной образовательной программе, о возможности применения полученных знаний, преимуществах обучения в университете и перспективах профессионального развития. Важнейшим инструментом формирования осознанного выбора направления подготовки и университета может стать эффективная информационно-коммуникационная система. Поведение абитуриента на любом этапе поступления, начиная от выбора вуза и направления подготовки, выбора способов подготовки к поступлению и непосредственно на этапе подачи документов и участия в конкурсе характеризуется состоянием неопределенности и сопровождается поиском необходимой информации. Наличие доступного, информативного, прозрачного и надежного

канала коммуникации, где абитуриент имеет возможность быстро получить достоверную и полезную информацию по интересующим вопросам позволило бы снизить неопределенность при принятии решения и сформировать у абитуриентов и их родителей положительное восприятие университета на рынке высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Форма №1-Мониторинг «Мониторинг по основным направлениям деятельности образовательной организации высшего образования за 2014 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/5269>.
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

АНТОНОВА Т. В., КЛИМЕНОВА Н. А.

ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации к новой социально-культурной среде иностранных студентов на примере МГУ им. Н. П. Огарева. На основе эмпирических данных получены сведения о формах межэтнического взаимодействия иностранных и российских студентов и степени межкультурной адаптации; определены различные уровни проявления "культурного шока" в ходе адаптации иностранных студентов; охарактеризованы отношения между иностранными и российскими студентами. Были получены данные о факторах, замедляющих процесс аккультурации.

Ключевые слова: иностранные студенты, межкультурная адаптация, культурный шок, этнический контакт, дискриминация, социокультурная среда.

ANTONOVA T. V., KLIMENOVA N. A.

SOCIAL ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS

Abstract. The article considers the problem of adaptation of international students to a new sociocultural environment. The study is based on a questionnaire survey of international students of Mordovia State University. The survey data shows the forms of inter-ethnic interaction of Russian and international students, the degree of intercultural adaptation, the levels of cultural shock of international students in the process of their adaptation. The relations between Russian and international students are described. The factors delaying the process of acculturation are studied.

Keywords: international students, cross-cultural adaptation, culture shock, ethnic contact, discrimination, socio-cultural environment.

Актуальность проблемы социальной адаптации иностранных студентов в Республике Мордовия обуславливается возрастающими масштабами международной образовательной миграции в регионе. Количество иностранных студентов в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева с 2010 по 2016 год выросло почти в 4 раза. Помимо популярных медицинских специальностей, иностранцы чаще выбирают институт электроники и светотехники, математический, юридический, экономический факультеты [1]. По состоянию на начало 2017 года в университете обучалось 940 иностранных студентов, из них 857 человек на платной основе и 83 человека – на бюджетной.

Количество иностранных студентов – один из показателей успешности вуза на мировом рынке образовательных услуг. Для России доля иностранных студентов является одним из ключевых показателей интернационализации [2]. Внедрение образовательных программ на иностранных языках заметно повышает привлекательность и вуза, и региона.

На сегодняшний день практически на всех факультетах и институтах университета обучаются граждане из других стран, а именно: из Судана, Сирии, Йемена, Пакистана, Ганы, Намибии, Ирака, Бангладеш, Германии, Греции, Замбии, Кении, Туркменистана, Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Киргизии, Украины, Армении. Как известно, студенты, приехавшие из других стран, сталкиваются с необходимостью адаптации к новым культурным условиям, в результате которой иностранцы должны не просто приспособиться, а стать полноценными членами нового для них общества и культуры.

На сегодняшний день проблемы межкультурной коммуникации и социальной адаптации этнических иностранных студентов приобретают все большую актуальность в современном обществе. Проблематика социальной адаптации визитеров связана с последствиями межкультурных контактов как для принимающего общества, так и для самих мигрантов. Дж. Берри выделяет три возможных исхода процесса адаптации визитеров: приспособление, реакция и отказ [3].

Эффективность обучения студента-иностранца зависит от того, насколько успешно он адаптируется к новой среде. Мигранты сталкиваются со стрессогенным воздействием новой культуры, поэтому даже при самых благоприятных условиях вхождения в новую культуру у них могут возникнуть различные сложности адаптации. Проживание в смешанных с российскими студентами коллективах протекает под знаком как взаимного усиления, так и ослабления культурных черт, хотя носящего временный характер [5]. Согласно Г. Т. Тавадову, «нормативный ход этнической адаптации может быть сильно осложнен и задержан проявлениями национализма и расизма в виде дискриминации, сегрегации и т. п.» [6].

Установлено, что социальная адаптация личности – это процесс достижения ею гармонических взаимоотношений с социальной средой при возникновении адаптивной ситуации, процесс достижения относительного приспособления к данной ситуации путем осуществления необходимых изменений в структуре личности (трансформации общественных норм и ценностей во внутренние, личные установки и ценности человека) и способах ее поведения [4]. Адаптация иностранных студентов – сложный многогранный процесс, включающий в себя приспособление к новой социокультурной среде, к новым климатическим условиям, к новому языку и образовательной системе.

В данной статье использованы результаты пилотажного исследования по неслучайной квотной (по возрасту) выборке, проведенного методом анкетирования в декабре 2016 г. среди иностранных студентов, обучающихся в МГУ им. Н. П. Огарева, на предмет выявления особенностей их адаптации к новой социально-культурной среде. В анкету были включены 17 вопросов (10 закрытых, 2 полужакрытых и 5 открытых), направленных на выявление особенностей адаптации иностранных студентов, их впечатлений о новой

культурной среде и проблемах, с которыми они сталкиваются. В качестве объекта исследования выступают иностранные студенты в возрасте от 16 до 27 лет. Выборочная совокупность составила 64 человека.

В исследовании ставились следующие задачи: выявить формы межэтнического взаимодействия иностранных и российских студентов; оценить степень межкультурной адаптации; выделить различные уровни проявления "культурного шока" в ходе адаптации иностранных студентов; определить культурную дистанцию между иностранными и российскими студентами.

Согласно полученным данным, подавляющее большинство иностранных студентов в той или иной степени говорят на русском языке, а именно: 38% опрошенных уверенно говорят на русском языке, 53% – неуверенно и 9% практически не говорят на русском языке.

Ответы на вопросы о сложностях, связанных с переездом в другую страну, показали, их отсутствие у 47% респондентов. Судя по ответам другой части опрошенных, им было непросто сменить место жительства (40,4%), причем один респондент из Индии до сих пор не может привыкнуть к новому месту. Анализ вопроса «Удовлетворены ли вы проживанием в России?» показал следующие результаты: большинство удовлетворены проживанием в нашей стране (83%), не удовлетворены всего 6% опрошенных студентов (среди них оказались студенты из Индии и Ирака). Примечательно, что вариант ответа «полностью удовлетворен» юноши выбирали чаще девушек.

Среди проблем адаптации студенты чаще всего называют языковой барьер (55,5%), пятая часть отметила, что «скучает по дому» (20%). Реже всего студенты указывают на финансовые сложности и проблемы со здоровьем. В ходе исследования было выявлено, что одна из самых больших проблем у иностранных студентов – это трудности в общении с местным населением (35,3%). Меньше всего трудностей студенты испытывают в сфере социальной защиты – при обслуживании в поликлинике, при оформлении социальных льгот/стипендий (3%). Полученные результаты интересно было сравнить с ответами на вопрос о том, к кому обращаются иностранные студенты, сталкиваясь с трудностями. 41% опрошенных в случае их возникновения обращаются к друзьям, 24% – к родителям. Менее всего опрошенных обращаются в союз иностранных студентов (5%).

Анализируя ответы на вопрос о чувствах иностранных студентов, мы выяснили, что 38% респондентов испытывают ностальгию по родине, друзьям и родственникам, 22% испытывают одиночество в новой среде. Любопытство и интерес перед новым испытывают 18% респондентов, реже всего – стресс, раздражительность и бессонницу (4%).

Также анкета включала вопрос: «Какие взаимоотношения сложились у вас с вашей группой?». У большинства опрошенных сложились дружеские отношения с академической группой (59%), недружеские отношения сложились лишь у одного респондента из Вьетнама.

Что касается проведения досуга, то подавляющее большинство иностранных студентов в свободное время занимаются своими домашними делами, читают книги, смотрят фильмы, общаются в социальных сетях (43%). 20% опрошенных посещают кафе, театры, торгово-развлекательные центры, 15% встречаются с друзьями и 13% осматривают местные достопримечательности. Больше половины опрошенных иностранных студентов принимают участие в университетских мероприятиях (60%).

В число задач исследования входило изучение влияния проявлений дискриминации в принимающей стране на процесс социальной адаптации студентов. 32% опрошенных утверждают, что столкнулись с проявлениями национализма и дискриминации. Среди них студенты из Индии, Ирака, Вьетнама, Бангладеш, Сомали, Азербайджана, Туркменистана. Стоит заметить, что дискриминации чаще подвергаются юноши, нежели девушки. Исследование показало, что данная проблема нуждается в более глубоком изучении с целью конкретизации форм и причин этих явлений.

Из проведенного исследования следует, что процесс адаптации иностранных студентов, обучающихся в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева, в целом проходит успешно. Большинство удовлетворено проживанием в России и успешно осваивается в новой культуре. Находясь в новой для них социокультурной среде, студенты сталкиваются с различными трудностями, например, в общении с людьми, испытывают чувства скучания по дому, но при этом достаточно успешно адаптируются к студенческой жизни. В определенной мере иностранные студенты испытывают на себе проявления «культурного шока», о чем свидетельствует переживание ностальгии по родине и чувство одиночества в новой среде. На вопрос «Что в России Вам больше всего понравилось?», чаще всего фигурирует ответ «люди». По результатам открытого вопроса, иностранцам сложнее всего привыкнуть к климатическим условиям.

Процесс адаптации к новой социокультурной среде протекает как в рамках учебной деятельности, так и во время проведения внеаудиторных мероприятий, что, по нашему мнению, способствует ускорению данного процесса, а также формирует речевую и социокультурную компетенции. Больше половины опрошенных принимают участие в различных университетских мероприятиях, что свидетельствует об их успешной интеграции в культурную жизнь университета. Подтверждением этому также может послужить тот факт, что у многих сложились хорошие отношения с академической группой. В свободное от учебы время студенты знакомятся с местной культурой, осматривают

достопримечательности. Некоторые студенты сталкивались с проявлениями национализма, что может негативным образом сказываться на процессе аккультурации. К факторам, затрудняющим прогресс социальной адаптации иностранных студентов, можно отнести непривычный климат, сложности обучения новому языку и общения с местным населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Мордовском университете число иностранных студентов выросло в 4 раза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/cultura/2173291.html>.
2. Дрожжина Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Universitas. Журнал о жизни университетов. – 2013. – Т. 1. № 3. – С. 33–47.
3. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. – 2001. – №3-4. – Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html.
4. Мазитова Л. Т. Социальная адаптация иностранных студентов на примере вузов Башкортостана: дис. ... канд. соц. наук. – Уфа, 2002. – 154 с.
5. Поздняков И. А. Проблемы адаптации иностранных студентов в России в контексте педагогического сопровождения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 121. – С. 161–167.
6. Тавадов Г. Т. Этнология. Учебник для вузов. – М.: Проект, 2002. – 352 с.

ИЛЮХИНА О. О., ФОФАНОВА К. В.

**УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ НА СЕМЬЮ И ДЕТОРОЖДЕНИЕ
В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ**

Аннотация. На основе результатов эмпирического исследования рассматриваются установки молодежи Республики Мордовии на семью и деторождение. Выявляются причины, влияющие на репродуктивное поведение молодежи, желаемое количество детей, представления молодежи о гражданском браке.

Ключевые слова: молодежь, семья, гражданский брак, ценности, деторождение.

ILYUKHINA O. O., FOFANOVA K. V.

**THE ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE TO STARTING A FAMILY
AND CHILDBEARING: A STUDY OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Abstract. The article is based on an empirical study of the attitudes of the young people of the Republic of Mordovia to starting a family and childbearing. The survey shows the factors influencing the reproductive behavior of youth, the preferable number of children, the views of young people on the common-law marriage.

Keywords: youth, family, marriage, values, childbearing.

Институт семьи, как и любой другой социальный институт, находится в процессе постоянного развития и изменения. Исследователи отмечают, что «модель семьи в современном российском обществе вариативна» [4, с. 95]. Семья может состоять из супругов с детьми, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; из матери и ребенка, из отца и ребенка; бездетных партнеров, не находящихся в браке, но ведущих совместное хозяйство; полигамного союза, основанного на религиозных обычаях и традициях. Место семьи в системе ценностей, отношение к семье выступают определенными лакмусами состояния как современной семьи, так и общества в целом. Семья находится во взаимосвязи со всей общественной системой, эта взаимосвязь имеет разнонаправленный и многосторонний характер. С одной стороны, качество жизни и здоровье семьи, ее структура, напрямую зависят от социально-экономических условий, социальной среды, любые дисфункциональные расстройства общества отражаются на семье. Статистические данные, многочисленные исследования в области семьи показывают как периоды экономических кризисов, политической и социальной напряженности в современном обществе сопровождаются резким снижением рождаемости, ориентацией на малодетность, высоким уровнем разводов, более низким уровнем заключенных браков [3]. С другой стороны, положение индивида в социальной структуре общества определяется семьей, именно семья

закладывает основу будущего – именно в семье принимается решение о количестве детей, определяются способы и модели воспитания, формируется система ценностей у будущих поколений. Исследования в области изучения семьи, семейных и репродуктивных установок имеют постоянную актуальность. С одной стороны, количество детей в семье, зависит от установок на детность, с другой – от внешних обстоятельств, которые, по мнению людей, могут быть благоприятными или нет для реализации репродуктивных установок.

В 2015 году на базе кафедры социологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева был проведен анкетный опрос, посвященный современному положению молодежи в обществе. Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен отношению молодежи к семье и браку. Выборка исследования квотная по признаку возраста (с 16 до 30 лет) и пола (52% женщины, 48% мужчины). Всего опрошено 260 человек (ошибка выборки 5%).

Исследование показало, что 66% среди опрошенной молодежи не находится в браке, однако 77,6% планируют в будущем создать семью, у 7,1% из не состоящих в браке создание семьи не входит в планы, немного более 15 % молодых людей затруднились однозначно ответить на вопрос о планах создания семьи. Исследование выявило отличия относительно планов на создание семьи у девушек и юношей. Так женщины (84,4%) в большей степени, чем мужчины (71%) рассматривают возможность в ближайшем будущем создать семью. Вместе с тем, число мужчин, не собирающихся жениться (10,8 %) более чем в три раза больше, чем женщин (3,3%). Достаточно высок процент тех, кто затруднился ответить – 12,2% женщин и 18,3% мужчин. Здесь опять преобладают мужчины.

Тенденцией последних десятилетий в России стал рост числа так называемых «гражданских браков». В анкете присутствовал вопрос, направленный на выявление отношения молодежи к гражданскому браку. Согласно результатам исследования, 43,9% молодых людей безразлично относится к подобной форме семейных отношений, одобряют гражданский брак 21,5% опрошенных, 34,6% респондентов настроены негативно. Процент девушек, негативно относящихся к гражданскому браку на 13,7 % выше по сравнению с юношами. Можно предположить, что девушки форму гражданского брака рассматривают как некий компромисс, который позволяет проверить чувства, удовлетворить желание постоянно быть рядом с любимым человеком, в то время как для мужчин – это скорее более удобный вариант, сокращающий материальные издержки, время, которое требуется для встреч и свиданий.

Данные исследования, проведенного в Республике Мордовия в процентном отношении отличаются от результатов исследований ВЦИОМ. Эти отличия могут быть связаны с влиянием провинциальной среды на молодежь, которая в большей степени

способствует консервации патриархальных норм и традиций. Так, по данным исследований ВЦИОМ, отношение к гражданскому браку в нашем обществе за минувшие 25 лет изменилось незначительно: вполне приемлемой подобную форму отношений по-прежнему считает большинство россиян (81% россиян в 2014 году, 72% – в 1989 году). При этом только 16% опрошенных сегодня называют сожительство вне брака недопустимым (в 1989 году таковых насчитывалось 18%)» [5, с. 129]. Для сравнения: результаты исследования 2008 г. показали, что 46% опрошенных рассматривают брак как основу для полноценного воспитания детей и лишь 7% считают, что официально регистрировать отношения не обязательно, главное, чтобы тот, кого ты любишь был бы рядом [5, с. 130].

В представлениях молодежи их будущая семья будет состоять из 4 человек, ориентация на малодетность превалирует особенно среди молодых людей более старших возрастных групп. 51,7% молодых людей ориентированы на рождение двух детей, 21,4% – на рождение одного ребенка. На трех и более детей ориентировано 12% опрошенных. По результатам исследования прослеживается допустимость добровольного отказа от рождения детей – 3,4%. Примечательно, что группа респондентов, планирующих иметь трех и более детей, в процентном соотношении в большей степени состоит из молодых людей в возрасте 16-19 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

Желаемое количество детей

Вариант ответа	Возраст респондента		
	16-19 лет	20-23 года	24-30 лет
Ни одного	3,2	4,8	2,8
Одного ребенка	19	27	19,4
Двух детей	50,8	44,4	56,5
Трех и более	17,5	11,1	9,3
Затрудняюсь ответить	9,5	12,7	12

Видимо, фактор взросления, вхождение в самостоятельную жизнь, когда необходимо самому принимать решения и решать возникшие проблемы, осознание ответственности приводят к снижению установок на рождение детей [7, с. 409]. Немаловажным фактором, влияющим на низкие установки на многодетную рождаемость является и то, что современная молодежь в большинстве случаев выросла в малодетных семьях, где максимальное число желаемых детей не превышало двух, и поэтому воспроизводит модель родительской семьи [8].

Использовать данные о желаемом количестве детей в семье в качестве прогнозных можно только с учетом достаточно высокой погрешности, так как демографические данные показывают, что «реальное количество детей в российских семьях заметно отличается от

желаемого» [1]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, итоговая рождаемость ни одного из поколений женщин, живших на момент проведения переписи, не обеспечивала простого воспроизводства населения. У женщин в возрасте от 70 лет и старше среднее число рожденных детей составило 2,083. У женщин в возрасте от 50 до 70 лет, уже завершивших репродуктивный цикл своей жизни, оно не достигло 1,9 (1,881 – у женщин 65-69 лет, 1,822 – у женщин 60-64 лет, 1,879 – у женщин 55-59 лет, 1,859 – у женщин 50-54 лет) [9].

Суммарный коэффициент рождаемости в России показывает, что, начиная с 1998 года он в целом увеличивается с небольшими отклонениями в меньшую сторону по отдельным годам. Так, если в 1998 году он был примерно 1,2, то к 2015 году увеличился до 1,77, что соответствует примерно уровню начала 1990-х годов и на 15% ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства [9]. Республика Мордовия среди других регионов РФ по количеству детей в семье занимает позицию ниже среднего, среднее количество детей в семьях с детьми до 18 лет составляет 1,30-1,36 [6]. Вместе с тем, статистические данные отражают положительную динамику. Так, за период январь-май 2016 г. в республике «родилось 7975 детей, из них 4033 мальчиков и 3942 девочек. Это на 111 новорожденных больше, чем в прошлом году. Из общего числа младенцев 39,2 % родились первыми, 45,7 % – вторыми, третьими и более – 15,1%» [2]. Вполне очевидно, что количество детей в семье зависит, с одной стороны, от репродуктивных установок, а с другой – внешних обстоятельств. По результатам исследования основной причиной, которая может помешать иметь столько детей, сколько запланировано, респонденты считают финансово-материальные проблемы (65,7 %). Причем с увеличением возраста эта причина становится более выраженной (см. табл. 2). Хотя картина в целом скорее отражает схожесть установок и взглядов относительно причин, влияющих на репродуктивные установки.

Таблица 2

Причины, мешающие иметь столько детей, сколько хотелось бы

Вариант ответа	Возраст респондента		
	16-19 лет	20-23 года	24-30 лет
Состояние Вашего здоровья (или здоровья супруга/и)	25	15,9	34
Финансово-материальные проблемы	59,4	66,7	68,9
Ваша моральная, психологическая неготовность	28,1	34,9	25,5
Страх за будущее своих детей	34,4	20,6	25,5
Дети могут помешать полноценной личной жизни, профессиональному и интеллектуальному развитию и становлению карьеры	6,3	3,2	5,7
Другое	3,1	3,2	1,9

Считаем, что распределение ответов на указанный вопрос анкеты наглядно свидетельствует о том, что материальный аспект сильно влияет на репродуктивные установки молодежи. Особого внимания заслуживает и высокий процент тех, кто в качестве причины называет состояние здоровья. Можно предположить, что 34% респондентов в возрасте 24-30 лет указавших эту причину, имеют определенные для этого основания.

Таким образом, в установках молодежи на семью прослеживается ориентация на малодетность (один или два ребенка). Прогнозировать создание современной молодежью двухдетной семьи с полной уверенностью нельзя, так как существует достаточно высокий процент тех, кто указывает в качестве причин, влияющих на рождаемость, материальные основания и фактор здоровья.

В каком составе будут создаваться и развиваться семьи, с одной стороны, во многом зависит от экономической ситуации в стране, политики государства в отношении семьи, с другой – на принятие решения о рождении ребенка влияют ценности и установки молодых людей, не зависящие от внешних условий. Данные исследования показывают, что, по всей видимости, молодое поколение будет производить модель семейной структуры в плане детности характерную для их родительской семьи, состоящую в среднем не более, чем из двух детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вовк Е. Количество детей в семье – установки и репродуктивное поведение // Социальная реальность. – 2007. – № 1. – С. 20–26.
2. ВЦИОМ – о семье, браке и изменах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://permv.ru/2015/02/10/vciom-o-sem-e-brake-i-izmenah/>.
3. Демография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/.
4. Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 92-100.
5. Пахомова Е. И. Браки и разводы: что изменилось в представлениях россиян // Мониторинг общественного мнения. – 2008. – № 1(85). – С. 128–135.
6. Прокофьева Л., Куприянова Е. География многодетности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php>.
7. Сычев А. А. Выбор и ответственность: переосмысление традиций // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 409–414.
8. Фофанова К. В., Якина Л. А. Социальная политика в отношении городской молодой семьи // Вестник Мордовского университета. – 2010. – № 3. – С. 77–78.

9. Щербакова Е. В январе-июне 2016 года детей родилось на 0,2% больше, чем за тот же период 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/barom03.php>.

РЕПИНА Е. И.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье анализируется проблема рациональности и рационализации сознания в современном обществе. Особое внимание уделяется научным представлениям ведущих социологов о роли рационализации в жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: рационализация сознания, рациональность, социальная рациональность, современность, культура.

REPINA E. I.

RATIONALITY IN MODERN SOCIETY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the phenomenon of rationality and rationalization of consciousness in modern society. The study focuses on the key sociological ideas about the role of rationalization in human life and activities.

Keywords: rationalization of consciousness, rationality, social rationality, modernity, culture.

Рациональность мысли и действия – одна из основных ценностей, образующих культуру современного общества. Она охватывает не только рациональные формы сознания, познания и знания, но и основанную на рациональном сознании человеческую деятельность и поведение. Поэтому, несомненно, рациональность вплетена в ткань социальной, культурной, нравственно-ценностной реальности; они сосуществуют и взаимодействуют друг с другом. Как подчеркивает А. А. Новиков, рациональность – это не только продуманный, рассчитанный, сбалансированный, но и нравственный путь разумного человеческого развития, когда доброта, самопожертвование, милосердие, собственно, нерациональные факторы, гармонично сосуществуют с прагматичностью, критическим мышлением, знаниями [4, с. 97]. Учитывая вышесказанное, возникает вопрос: что значит рационализация для современного человека?

Важно отметить, что хотя присутствие и значимость рациональности в жизни человека остаются неизменными, само ее содержание приобретает в современном обществе новое звучание. Социальная модернизация, сопровождающаяся мощными научно-техническими достижениями, урбанизацией, бюрократизацией, резким противопоставлением субъекта и объекта, ростом значимости формального, обезличенного, прагматического, задала в качестве нового принципа социальной жизни прогресс, подразумевающий все большую рационализацию общественной жизни [6, с. 92].

Г. Зиммель пишет о новом мироощущении современной эпохи, о предпосылках его формирования, о кардинальных различиях социальных субъектов, существенных сдвигах в обществе. Углубляется разделение общественного труда, повышается эффективность экономики, интенсифицируются социальные связи, коммуникации, взаимозависимости, что позволяет человеку удовлетворять разнообразные потребности, способствует развитию личности. Вместе с тем, рост формализованного и регламентируемого ведет к раздробленности, к снижению сплоченности [8, с. 308–309]; наблюдается повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены впечатлений, как следствие усиление рационализации, стрессы, изменения ценностных ориентаций, стереотипов поведения, что так же ведет к отчуждению и разрушению социальных связей [2, с. 722]. В целом, по мере роста господства культуры и ее составляющих над индивидом, снижается его ценность как самостоятельного члена общества. В общих чертах, Зиммель полагал, что в современном мире еще более активное развитие культуры приведет к еще большему снижению значимости индивида [7, с. 50].

В классической социологии М. Вебер не только предупреждает о нарастающем процессе рационализации, но и привлекает внимание к проблемам, которые он порождает. Что же влечет за собой возрастание роли целерационального (направленного на достижение ясно осознаваемых самим действующим индивидом целей и использующего для достижения этих целей адекватные средства) действия? Рационализируется способ ведения хозяйства, управление во всех сферах социальной жизни, образ мышления людей, так же как и способ их чувствования жизни в целом. Все это сопровождается колоссальным усилением социальной роли науки, которая проникает в производство, управление и, наконец, даже в быт [1, с. 75].

Чувство разочарования, которое предрекал Вебер, связано с тотальным разволшебствованием человеческого мира, лишением его не только «магических», но и вообще каких бы то ни было душевно-духовных моментов, отчуждение его от человека [1, с. 222]. По словам Шнайдера, доведённый до конца процесс «разволшебствования» мира «превратит жизнь в повесть, которая ... безусловно не будет означать ничего, так как смысл из неё выхолощен» [7, с. 553].

Ю. Хабермас рассматривает современность как «незаконченный проект». Это значит, что одной из центральных проблем современной социологии, как и во времена Вебера, продолжает оставаться рациональность. Именно рационализацию целерациональной деятельности, а не рационализацию вообще, Хабермас рассматривает в качестве главной проблемы современного мира. Согласно Хабермасу, решение данной проблемы кроется в рационализации коммуникативного действия, которая ведёт к добровольной, открытой,

свободной от господства, коммуникации. Такая рационализация предполагала бы спад нормативной репрессивности и жестокости и рост индивидуальной гибкости и рефлексивности. Конечный пункт эволюции, по Хабермасу, – рациональное общество [7, с. 179].

Э. Гидденс пишет о принципиально новом мышлении в современном обществе. Он определяет мир как рефлексивный, и даже человек становится объектом для размышления и самоисследования [7, с. 491].

Интенсивно развивающаяся рациональность, как было отмечено выше, задала немало проблемных аспектов. Хотелось бы остановиться ещё на одном из них. Представители критической школы в социологии делают акцент на подавлении личности «индустрией культуры» и «индустрией знаний».

«Индустрию культуры» теоретики-критики описывают как рационализированные, бюрократизированные структуры (например, телевизионные сети), которые контролируют современную культуру и производят то, что определяется как «управляемая ... неспонтанная, овеществленная ложная культура, а не реальная вещь». Критическую школу беспокоит умиротворяющий и подавляющий характер воздействия культурной индустрии на людей [7, с. 170–171].

Представители критической школы также изучали «индустрию знаний», которую они относили к структурам, приобретшим в обществе автономный статус [7, с. 171].

Еще один представитель критической школы, Г. Маркузе, видит в современном обществе «искаженную», иррациональную рациональность. Это выражается в том, что современный рациональный мир разрушителен для индивидуумов, их нужд и способностей, поскольку люди, несмотря на новейшие технологии и модернизацию экономики, остаются бедными, подавляемыми, эксплуатируемыми и неспособными реализовать себя [7, с. 169–170]. Современные технологии, которые призваны облегчить и улучшить жизнь общества, играют с человеком злую шутку – утверждают свое господство над ним. По мнению Маркузе, технологии поработают человека, подавляя его индивидуальность и поглощая его внутреннюю свободу. Результат технологизации – «одномерное общество», в котором индивиды теряют способность мыслить об обществе критически [7, с. 170].

Об утрате своего места в жизни и неспособности его повторного обретения пишет Джеймсон. Он предлагает образ постмодерна, в котором люди плывут по течению и не могут постичь современные экономическую, политическую, бурно развивающуюся культурную сферы общественной жизни [7, с. 548–549].

Рационализация все чаще испытывает человека «на прочность». Разнородная и зачастую противоречивая информация из СМИ, кино, сферы образования способствует тому,

что индивидам приходится «срываться с якорей привычных правил и бросаться в новый, неизвестный, неупорядоченный для них мир». И в этих условиях человек, согласно Г. Блумеру, не только не лишается своего самосознания, но наоборот, способен довольно сильно обострить его [5, с. 127].

Новая темпоральность, быстротечность повседневной жизни, результатом которой является осознание непостоянства, усовершенствовала человека современности, развила в нем такие важные качества, как оперативность мысли, вариативность способов достижения одной и той же цели, технологичность действий в решении поставленных задач. А разнообразие и сложность решений в современном обществе актуализирует проблему «сверхвыбора» альтернатив, что требует от человека наличие системы ценностных ориентиров [3, с. 161–162].

Другая черта, по А. Тоффлеру, – новизна, приносящая изобилие новшеств в жизнь людей. Она принуждает сталкиваться с незнакомыми институтами и непривычными ситуациями. В связи с этим Тоффлер, как теоретик постиндустриального общества, призывает не только «перефокусировать» систему образования на будущее, но и «сместить временной базис индивидуума» – стимулировать и развивать в нем чувство будущего, побуждать к размышлениям о будущем, проектировать его, воображать, анализировать, оценивать будущие возможности» [3, с. 163].

Анализ особенностей интенсивно развивающейся рационализации в современном обществе демонстрирует противоречивость и многозначность данного явления. Рационализация, как один из ключевых продуктов революции в культурной, социальной, экономической, информационной сферах, представляет актуальным и необходимым исследование комплекса значимых социально-гуманитарных и узкоспециальных проблем, связанных с рационализацией общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
2. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология. В 15 т. – Т. 5: Социальная структура. – М: ИНФРА-М, 2004. – 1096 с.
3. Заборская М. Г. Неклассическая рациональность и субъект образования // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. – 2005. – № 10. Т. 5. – С. 158–171.
4. Кролевец Ю. Л. Многообразие рациональностей // Омский научный вестник. – 2008. – № 5 (72). – С. 97–100.

5. Мурейко Л. В. К проблеме рациональности массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 126–143.
6. Рассадина Т. А., Репина Е. И. Рационализация сознания как фактор социокультурных изменений // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 6. – С. 90–100.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е издание. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
8. Филиппов А. Ф. Релятивистская социология Георга Зиммеля // История теоретической социологии. В 4-х т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – Т. 2. – М.: Канон+, 2002. – 560 с.

АНТОНОВА В. В., АНТОНОВА В. И., КИРИЧЕК П. Н.

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ДЕТЕРМИНАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ**

Аннотация. В статье детерминируется категориальное понятие «гражданское общество». Выделяются согласительные точки зрения ученых на толкование социальной природы и сущности гражданского общества, раскрывается функциональная основа гражданского общества. Авторы обозначают социально-функциональную обязанность политической журналистики как медийно-коммуникативного посредника между властью и народом.

Ключевые слова: антропоцентристский, демократизация, деятельностный, дискурс, личность, медийный, политическая журналистика, саморегулируемая система, общество.

ANTONOVA V. V., ANTONOVA V. I., KIRICHEK P. N.

**CIVIL SOCIETY: DETERMINATION OF SOCIAL NATURE
AND FUNCTIONAL ESSENCE**

Abstract. The categorical concept of "civil society" is determined. The common points of view of scientists on the interpretation of the social nature and essence of civil society are presented. The functional basis of civil society is revealed. The authors specify the socio-functional duty of political journalism as a media-communicative intermediary between the authorities and the people.

Keywords: anthropocentric, democratization, activity, discourse, personality, media, political journalism, self-regulating system, society.

Общество изначально существует в виде реального (действительного) структурно-функционального образования. При этом многие исследователи, в частности Й. Хейзинга, связывали понятие «общество» с понятием «человек» и рассматривали первое как производное от преобразовательной деятельности второго [1, с. 118]. В том же контексте И. Кант полагал, что социальные явления представляются, прежде всего, результатами «человеческой деятельности»: это не какие-либо априорные заданности, – их становление предопределяется итогом их развития [2, с. 198].

В принципе, общество – это сложносоставная система, устроенная на основе логического единства природы и человека, который, в отличие от животного мира, не только производит материальные и духовные предметы, но и моделирует их по законам пользы и красоты. Поскольку данные законы апробируются всем обществом и прилагаются к каждому подобному артефакту, то создаваемый индивидом предметный мир неизбежно становится

социальным. И здесь прямой креативный вектор общественного развития превращается в обратный: предметный мир, с одной стороны, создается человеком, а с другой стороны, – этот мир по тем же правилам формирует и социализирует самого человека. Человек в ходе социального (материального и духовного) творчества выступает как личностная целостность, индуцирующая условия развития общества, а оно, в свою очередь, является одномоментно и комплексом условием развития человека.

Генетически общество, «выделившись» из природы, развивается на интроспективной основе, по собственной антропоцентристской логике. В то же время общество – это не арифметическая сумма индивидов, а скорее алгебраическое их произведение: по уровню сложности оно представляет собой определенную качественность, которая соединяет людей в целостную структурно-функциональную систему. Люди – индивиды деятельностные, а деятельность – это активная форма отношения гомо сапиенс к объективной реальности, и выражается она в преобразовательной функции в интересах человека, чему способствуют конкретные деятельностные факторы: а) потребности, б) интересы, в) стимулы.

Социальная деятельность человека всегда предполагает сознательное начало, поскольку основным ее признаком является также целенаправленный характер. Сознательные цели индивида, группы, слоя, класса выявляются в произведенных ими конкретных ценностях. Отсюда общество характеризуется как мир сознательных взаимодействий: они формируются путем коллективного обмена между людьми продуктами материального и духовного творчества, в том числе различными (хроникальными, аналитическими, художественно-публицистическими) медиатекстами, которые тиражируются по массово-коммуникативным каналам.

Пребывая в обществе, человек не может, по мнению О. А. Митрошенкова, не вступать в разные взаимоотношения с социумом в целом, а также с отдельными людьми. Такие отношения являются необходимой формой общественной жизни, ведь путем, прежде всего, повседневного взаимодействия людей выстраивается базисно-надстроечный каркас любого социума. Общественные отношения, как духовные, так и материальные, детерминируются в качестве форм взаимовоздействий, возникающих в результате совместной деятельности различных социальных групп. Причем, эта деятельность обычно направляется на создание благоприятных условий для развития общества, его прогрессивной динамики, дальнейшего [3, с. 214] совершенствования главных его сфер – политики, экономики, культуры.

Далее человек в ходе общественного развития постоянно стремится к удовлетворению собственных потребностей в конкретно-целевом их выражении. Причем, любые потребности человека поступенчато становятся для него актуальными лишь тогда, когда удовлетворяются предыдущие его запросы. И только в деятельностном процессе между людьми, на самом

высшем качественном его уровне (гражданском), может возникать феномен всеобщей социальной удовлетворенности, а также благоприятной для большинства населения страны нравственно-психологической атмосферы.

Сформулированная модель движения индивида «от потребности – к результату» переносится и на социетальный уровень, хотя в этом случае суммированное целеполагание носит куда более сложный характер, требующий, соответственно, иных механизмов удовлетворения потребностей групп, слоев, классов при сохранении устойчивого жизнеобеспечения всего общества. Как известно, потребности и действия людей и общества (особенно в связке «гражданин – государство») нередко противоречат друг другу, вплоть до возникновения серьезных конфликтных ситуаций (к примеру, в случае монетизации российским государством социальных льгот для пенсионеров и инвалидов). Но, в конечном итоге, именно совместные усилия общества и человека по обеспечению индивидуально-групповых потребностей и интересов являются самым действенным стимулом к успешному политическому, экономическому, культурному развитию социума.

Если судить по историческим меркам, то формирование гражданского общества представляет очень сложный и долгий процесс: в различных странах, относящихся, в частности, к группам либо «опережающей», либо «догоняющей» цивилизации, он может растягиваться на десятки и даже сотни лет, причем с весьма вероятными регрессивными откатами на исходные позиции. Подчиняясь законам диалектики, процесс становления и развития подобного общества характеризуется раздвоением единства:

- с одной стороны, коренным образом изменяется сам человек, который по качеству суждений и поступков постепенно превращается в граждански зрелую (активную плюс компетентную) личность, обладающую активистской политической культурой;

- с другой стороны, радикальным образом трансформируется сама окружающая человека социально-политическая среда, которая в непосредственном духовно-практическом смысле преобразуется по высокоцивилизационным правовым нормам и этическим правилам.

В гуманитарной науке до сегодняшнего дня не существует единого толкования социальной природы и сущности гражданского общества на уровне апробированных ученым дискурсом определений, понятий и категорий. Но согласительные точки зрения уже наблюдаются и фиксируются: например, гражданское общество в первую очередь характеризуется тем, что государство не вмешивается во взаимоотношения в социуме – оно предоставляет гражданам права и возможности самостоятельно ставить и разрешать реальные жизненные проблемы.

Гражданское общество, по О. Энкарнасьону, это – широкая полифоничная сфера, которая представляет возможность индивидам отстаивать свои права, интересы [4].

А. Д. Хлопин полагает, что развитие гражданского социума представляет собой его жизнедеятельность, предопределенную системой норм права, а также нравственно-эстетическими ценностями и некоторыми правилами неформального характера [5, с. 120]. Д. Боуз подчеркивает, что в ситуации гражданственности человек принимает решения самостоятельно, а в традиционном обществе люди вынуждены подчиняться правовым государственным актам, что, естественно, представляет принуждение, и люди сопротивляются в подобной ситуации [6, с. 18].

Существование гражданского общества, считает А. Фергюсон, в первую очередь, предполагает самостоятельность человека, его социальную ответственность, грамотность, умение справляться со своими проблемами самому, без участия государственной машины. Прогрессивное развитие в любой стране мира немыслимо без гражданского общества, умеющего контролировать власть. Государство не должно манипулировать, управлять народными массами, оно должно их поддерживать в новаторских начинаниях, давать им возможность участвовать в работе органов власти. В цивилизованном социуме фундаментом развития, благополучия является уважение к человеку, его труду, стремление сделать членов общества счастливыми [7, с. 107].

Основным принципом гражданского общества, по мнению Д. Ловелла, можно считать неукоснительное стремление сделать достойной жизнь его членов, уважать и ценить человеческие достижения, помогать отражать потребности индивида и профессиональные его качества, быть со стороны государства помощником и наставником, но ни в коем случае – не диктатором [8, с. 158]. Гражданское общество Б. И. Коваль трактует как социальную систему, где успешно функционируют различные организации со своими взаимоотношениями независимо от государства, причем данные организации могут даже влиять на развитие социума [9, с. 11]. Ведущую роль в гражданском обществе, полагает А. Н. Аринин, играют культурные, экономические, политические отношения, и они, проецирующиеся на массы, должны взаимодействовать с государством и быть независимыми от него [10, с. 43–45].

Гражданское общество, как считает И. С. Семененко, существует при таких отношениях, когда наличествуют автономные, самостоятельные объединения, предполагающие в своей деятельности защиту интересов человека [11, с. 36–38]. Основное предназначение гражданского общества О. В. Андронов усматривает в том, чтобы систематизировать и ориентировать социальную активность граждан, обеспечивать осознание ими своего статуса в обществе, направлять в нужное русло инициативу членов общества [12, с. 8–9]. Гражданским обществом называют О. Казаков и Э. Фомин такой активный сегмент общества, который не претендует на власть, но влияет на государственную

политику своей деятельностью, при этом любые общественные организации, отстаивают, прежде всего, либо собственные интересы, либо интересы представляемой ими части общества [13, с. 56–57].

Приведенные выше определительные трактовки позволяют предположить, что гражданское общество, где личность выступает ключевой фигурой социальных отношений, является неизбежным спутником правового государства и представляет собой открытую саморегулируемую социальную систему. Это есть целое, которое состоит из частей, связанных между собой таким образом, что в результате возникают свойства, присущие единому целому и которые отсутствуют у частей. В итоге гражданское общество существует в виде структуры высочайшего органического типа, где входящие в нее элементы не могут функционировать друг без друга, а сама структура предполагает появление новых и исчезновение устаревших элементов.

По утверждениям многих известных ученых, в структурной системе гражданского общества в целом наличествует несколько подсистем:

- во-первых, экономическая подсистема, на уровне которой происходит производство, обмен, распределения и потребление населением материальных продуктов, причем ее основные параметры определяются и соблюдаются с помощью рыночных механизмов, так что прямого участия государства в этой сфере не требуется;

- во-вторых, политическая подсистема, для уровня которой свойственно, по мнению А. Г. Кучерена и Ю. А. Дмитриева, «формирование различных объединений, нередко трансформирующихся в политические партии» [14, с. 54–56], а также существование отдельных групп бизнеса, характеризующихся большой степенью самоорганизации, с их политическими представителями, вовлеченными в политическую борьбу;

- в-третьих, социальная подсистема, которая является основополагающим уровнем, поскольку именно здесь формируются человеческие ценности и воспринимаются индивидами через сферу образования и воспитания; для данного уровня характерны внутрисемейные, внутригрупповые (между членами, например, одного творческого объединения), межгрупповые (к примеру, межклассовые) отношения; объединения членов общества на этом уровне составляют добровольческие движения с конкретными социальными интересами (профсоюзными, экологическими, ветеранскими, правозащитными и т.д.); они представляют, по утверждению И. С. Семененко, наиболее незащищенные слои населения, которые испытывают социальный дискомфорт особенно в переходные периоды [11, с. 46].

Вместе с тем эта структурно-системная схема гражданского общества (при всей ее теоретической убедительности и практической аргументированности) будет неполной, если

сюда не добавит культурную подсистему. Как считает М. С. Каган, «гражданское общество есть плод совместного творчества общества и культуры, <...> высшее из доселе известных истории проявление экономической культуры, политической культуры и правовой культуры. В этом обществе происходит процесс трансформации в человеке «натурного» начала в «культурное», или превращения индивида в личность, когда он преодолевает в своем бытии и сознании ранне-стадийные качества тождественности и сословности и выходит на поздне-стадийный уровень гражданственности» [15, с. 17].

На самом деле, трудно представить процесс формирования гражданского общества без активного использования культурного потенциала социума. Культура в жизни общества играет первичную организующую роль, так как с ее помощью обеспечивается потребность граждан в прогрессивно-динамическом росте, именно в ней накапливается исторический опыт предыдущих поколений и закрепляются «вечные» нравственно-психологические критерии массового сознания и поведения. В поле культуры обычно зарождается предтеча новаторских ориентаций, которые в последующем задают оптимальные векторы человеческой эволюции. В повседневной жизни культура является самым благодатным материалом для успешной социализации человека в обществе, потому что она в большинстве случаев определяет социально-ролевой статус гражданина.

Разумеется, гражданское общество, как полагает Г. Эрмэ, отличается «своей», специфической, культурой, которая обладает способностью постоянно учить человека глубоко мыслить и анализировать различные социальные ситуации, воспринимать окружающий его мир с позиции терпимости, любви и уважения к людям, открытости для всего общества. С помощью подобной культуры у человека формируется гражданская позиция, которая состоит из следующих неразделимых элементов: осознание личностью его обязанностей и прав, гражданской активности, нравственности, информированности [16, с. 159–157].

И, наконец, функциональной основой гражданского общества являются приоритетные ориентации самоорганизующихся на добровольных началах структур и институтов, которые нацеливаются, в конечном счете, на достижение конкретных прагматических результатов в области социальной интеграции, когда «эта» территория становится страной, а ее население – народом или нацией. Функциональные обязанности гражданского социума выполняются, как правило, его структурными элементами – добровольными общественными объединениями, где и вызревает в зрелых суждениях и поступках гражданская личность. Она видит свое основное назначение в том, чтобы всегда стремиться к участию в решении различных общественных задач, устранению конфликтов личностных партикулярных

интересов и созданию благоприятных условий жизни, причем не только для себя, но и для окружающих его людей.

Присущая гражданскому обществу нравственная крепость и психологическая устойчивость приобретаются путем преодоления де-факто существующего в социуме большого числа как внутренних, так и внешних противоречий – в том числе, конфликтов роста, спорадически случающихся между элитой (управляющими) и массой (управляемыми) в стране. Непростая социально-функциональная обязанность – микшировать данные противоречия – возлагается по условному общественному разделению труда на активно действующего в публичной сфере медийно-коммуникативного посредника между властью и народом – политическую журналистику, обладающую мощным ресурсом демократизации принципов и механизмов государственного и муниципального управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хейзинга Й. Опыт определения игрового элемента культуры. – М., 1992. – 416 с.
2. Кант И. Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1963-1966. – Т. 2. – С. 123–289.
3. Философия: учебник / под ред. О. А. Митрошенкова. – М.: Гардарики, 2004. – 655 с.
4. Энкарнасьон О. Миссионеры Токвиля. Пропаганда гражданского общества и поддержка демократии [Электронный ресурс] // Русский журнал. – 20 февр., 2001. – Режим доступа: http://old.russ.ru/politics/meta/20010220_toc.html.
5. Хлопин А. Д. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // Pro et Contra. – 2002. – № 1. – С. 120–129.
6. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / пер. с англ. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, Cato Institute, 2004. – 392 с.
7. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И. И. Мюрберг; под ред. М. А. Абрамова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 391 с.
8. Ловелл Д. Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // Pro et Contra. – 2002. – № 3. – С. 158.
9. Коваль Б. И. Вступительное слово // Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. – М.: «Северо-Принт», 2001. – С. 3–16.
10. Аринин А. Н. Проблемы становления и укрепления гражданского общества в современной России // Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. – М., 2001. – С. 43–55.

11. Семененко И. С. Группы интересов и гражданское общество: фактор становления или торможения // Гражданское общество в России: структуры и сознание. – М., 1998. – С. 36–48.
12. Андронов О. В. Некоммерческие организации как субъект политического взаимодействия государства и гражданского общества в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2009. – 22 с.
13. Казаков О., Фомин Э. Идентификация гражданского общества в России // Гражданское общество: взгляд изнутри. – М., 2002. – С. 23–57.
14. Кучерена А. Г., Дмитриев Ю. А. Гражданское общество в России: Проблемы становления и развития. – М.: Юнити-Дана, 2009. – 255 с.
15. Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6. – С. 16–29.
16. Эрмэ Г. Культура и демократия / пер. с франц. – М.: АО «Издательская группа «Прогресс»; Изд-во ЮНЕСКО, 1994. – 190 с.

КРАСОВСКАЯ Н. Н., ШАПАЛИНА А. Д.
УЧАСТИЕ ЭКСПЕРТОВ В РАЗРАБОТКЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема участия представителей различных экспертных сообществ в разработке и внедрении ФГОС. На основе данных полученных в ходе глубинных интервью выявлены ключевые факторы, определяющие отношение специалистов к участию в разработке образовательных стандартов, эффективности соответствующих процедур и возможных направлениях их совершенствования.

Ключевые слова: образовательная политика, Федеральные государственные образовательные стандарты, экспертное сообщество.

KRASOVSKAYA N. N., SHAPALINA A. D.
INVOLVEMENT OF EXPERTS IN THE DEVELOPMENT
OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS:
A STUDY BASED ON IN-DEPTH INTERVIEWS

Abstract. The article considers the involvement of representatives of various expert communities in the development and implementation of the Federal State Educational Standards. The analysis of the in-depth interviews shows the key factors determining the attitude of the experts to their involvement in the development of educational standards, the efficiency of the relevant procedures and possible ways of improving them.

Keywords: education policy, Federal State Educational Standards, expert community.

В 2016 году группой сотрудников Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ было проведено исследование по теме «Трансформация механизмов принятия решений в сфере образовательной политики (на материале трех поколений Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС))». Одним из аспектов исследования было изучение отношения и оценки представителями различных экспертных сообществ (преподавателей и административных сотрудников вузов, представителей законодательной власти и бизнес-сообщества) возможностей и целесообразности влияния на процессы разработки новых ФГОС. Данная статья посвящена тому, как представители вузов воспринимают указанную проблематику.

В литературе, посвященной российской образовательной политике часто можно встретить критическую оценку результатов преобразований, проводимых государством.

Причем авторы нередко подразумевают не столько ошибочность целевых ориентиров этой политики, сколько механизмы ее реализации, которые не позволяют в полной мере задействовать имеющийся интеллектуальный и педагогический потенциал российского высшего образования [1; 2]. Во-вторых, имеющиеся данные об отношении вузовского сообщества к нововведениям, в частности, к новым ФГОС, говорят о серьезном разрыве между декларируемыми задачами преобразований и тем, как трансформируются инновации в процессе их внедрения [3]. Можно предположить, что именно через вовлечение вузовского сообщества в процедуры разработки и внедрения ФГОС могут быть найдены способы преодоления такого разрыва. Понимание того, как проблема выглядит с точки зрения самих сотрудников университетов имеет важное прикладное значение.

В ходе эмпирического этапа исследования был осуществлен опрос экспертов – представителей нескольких профессиональных аудиторий. Для сбора информации был использован метод личного глубинного неформализованного интервью. Участники не были информированы о позициях друг друга.

Все интервьюеры прошли специальное обучение для успешного проведения интервью в рамках данного экспертного опроса. Инструктирование интервьюеров включает в себя разъяснение информации о целях и задачах работ, об особенностях взаимодействия с экспертами. Опрос специалистов-экспертов проводился в формате свободной беседы с использованием аудиозаписи, которая проводилась для повышения качества обработки данных.

Отбор экспертов был осуществлен на основании следующих критериев: статус эксперта; активная позиция и открытость эксперта; практический опыт эксперта; заинтересованность эксперта в обсуждении исследуемых проблем; информированность эксперта в области исследуемых проблем; продолжительность одного интервью составила от 20 до 35 минут.

Всего в ходе опроса было проведено 15 интервью. Данное количество респондентов можно считать оптимальным с точки зрения получения полного спектра мнений по проблематике исследования в целом, а также для кросс-проверки информации внутри каждой целевой аудитории исследования с учетом ее специфики.

Обработка собранной информации в ходе интервьюирования осуществлялась в анонимном формате в четком соответствии с требованиями Кодекса ENSOMAR к практике проведения маркетинговых и социальных исследований.

Анонимность результатов опроса была также анонсирована всем респондентам на этапе формирования договоренностей.

В связи с необходимостью соблюдения вышеперечисленных требований при цитировании указывается принадлежность эксперта к соответствующей целевой аудитории.

Обработка и анализ качественных данных осуществлялся с использованием пакета Atlas.ti. Тексты интервью структурировались, осуществлялся отбор и тематическая группировка цитат в разрезе блоков вопросника, выделялись трактовки (сюжеты). Данные «сюжеты» проанализированы по всему массиву собранных данных: и внутри групп, и в целом по выборке.

Концептуальная аналитическая обработка полученного материала была отражена в сводном аналитическом документе. Она включает в себя: выделение общих мнений в оценках; выделение значимых различий в оценках; выделение ключевых и второстепенных проблем; выделение актуальных задач и направлений решений; систематизацию обоснованных рекомендаций, предложенных экспертами.

Ниже приводятся результаты исследования.

Приоритетная роль государства. Несмотря на тенденции к расширению количества участников и публичности обсуждения проектов стандартов, всем опрошенным экспертам представляется логичным централизованный характер процесса подготовки стандартов:

«... законом установлен государственный орган, который отвечает за государственную политику в области образования. В отношении этого органа выступает Министерство образования и науки Российской Федерации. Ему принадлежит законотворческая инициатива по изменению действующих стандартов. Но, насколько я представляю, скажем, макеты для новых поколений федеральных государственных стандартов, утверждаются на уровне Правительства Российской Федерации, чтобы обеспечить эту межведомственную координацию по введению этих стандартов» (Высшая власть).

Министерство образования и науки оказывается ключевым и центральным субъектом процесса стандартизации, фактически беря на себя функции не только инициирования и контроля результата этого процесса, но и своеобразной творческой лаборатории и координационного центра:

«Макетирование самих стандартов – это обычно такой рабочий процесс. Как правило, в составе Министерства образуются рабочие группы, которые собственно и занимаются этим макетированием. Дальше уже эти макеты поступают в координационные советы различных ведомств и министерств (это то, что раньше называлось УМО, это сейчас вот эти координационные советы). И они уже как бы привязывают эти макеты к тем областям профессиональной деятельности, которые

характерны для данного ведомства, для данного направления в прикладном плане. От общих задач идет уже по отдельным направлениям» (Высшая школа).

Важно подчеркнуть, что в такой конструкции вузы оказываются в конце цепочки подготовки документов, определяющих основания образовательной деятельности. Интересно, что в этой ситуации стимулирование государством новых субъектов к участию в работе над стандартами приводит к тому, что аналитическая и прогностическая деятельность этих субъектов до известной степени превращается в угадывание пожеланий заказчика:

«Вопрос набора минимум: что хочет государство? ... поспеть за технологиями сложно. Может быть, было бы правильно просто навыки, знания и умения там оставить, количество часов... И там идея была, чтобы профессиональный стандарт сформулировать, но, некий маяк образовательным стандартам, что должны в себя включать компетенции. Мы эту работу тоже вели в АСИ, был создан Совет по квалификациям. Запустили работу по формированию профессиональных стандартов. ...И вот уже третий год государство продолжает финансировать» (Общественная организация)

Логика заказа и фактически покупки стандартизированного минимума образования нередко звучит и в более прямой формулировке:

«...стандарт должен быть, по крайней мере, на том уровне, если государство этот процесс финансирует, и решает за счет образования очень много своих задач и проблем. Если это было бы полностью платное у нас образование, тогда роль государства сводилась, может быть, к лицензированию образовательной деятельности. Ну, есть у тебя какие-то минимальные критерии (помещение, оборудование, еще что-то), ну, и занимайся: бери деньги и учи, кого хочешь и как хочешь. Ну, где-то, в каких-то государствах это работает, в каких-то нет. Тут еще менталитет важен, на самом деле» (Высшая школа).

Существенным аспектом «менталитета», предполагающего, что государство в лице Министерства образования и науки, будучи уполномоченным определять образовательную политику должно брать на себя и разработку стандартов является представление опрошенных экспертов об авторстве стандартов:

«Я думаю, что об авторстве говорить здесь очень сложно. Точно так же, как в законотворческой деятельности. Там нет авторства, права авторства. Очень часто где-нибудь в регионе придумают хороший закон, здесь он отклоняется или оппозиционные партии придумали закон, он отклоняется, через некоторое время появляется уже подобный законопроект от партии власти, но поскольку авторства нет, то теперь уже этим пользуются другие. А вот в Соединенных Штатах Америки авторство сохраняется. У нас же такого нет. Может быть, здесь вот эта коллективная ответственность в какой-то

степени размазывает их, могут быть отрицательные моменты. Но, в целом, конечно, поскольку министр подписывает стандарт, он несет за все ответственность». (Высшая школа)

Таким образом, в отсутствие авторства, несмотря на расширение вовлеченных в процесс «игроков» и появление современных форм публичности, по сути, ответственным «автором» оказывается лично министр. В контексте нашего исследования чрезвычайно важно, что участие экспертов в разработке стандартов не предполагает с их стороны никакой ответственности ни за содержание, ни, тем более, за эффект от внедрения новых стандартов.

Процедуры разработки ФГОС. Интересно при этом, что, несмотря на введение ряда параметров публичности в процесс разработки стандартов, для многих сотрудников вузов процесс их подготовки остается не вполне ясным:

«Наверное, [Министерство образования взаимодействует] с головными вузами - УМО раньше, сейчас это Координационные советы. Наверное, что-то есть такое» (Высшая школа).

«Как я подозреваю, задание дается тем структурам, которые раньше назывались «учебно-методические объединения», сейчас это называется Координационные советы. Я предполагаю, что им» (Высшая школа).

Принципы, лежащие в основании тех или иных решений не вполне ясны и тем, кто, кажется, хорошо осведомлен о ситуации в самом Министерстве:

«Сейчас у нас ФГОС 3+, и сейчас министерство приняло решение сделать ФГОС 3++. Это значит, что будут существующие стандарты модернизированы, в части того, что будут общие базовые компетенции прописаны в различных стандартах, которые есть. Профессиональные компетенции, которые будут подтягиваться через профстандарт. Ну, это такая идея. Предполагалась разработка стандартов ФГОС 4, буквально этим летом они должны были появиться. Но команда, которая приходила и пыталась их сделать, она просто не успела. Сейчас там немножко поменялись люди» (Высшая школа).

Нестабильность состава ключевых игроков сочетается с ускоряющимися темпами подготовки документов, что негативно сказывается на их качестве:

«Вышел новый закон, потом вышло новое положение, сейчас о государственной аккредитации, соответственно все это требует доработки этих норм, в виде образовательных стандартов. К тому же, к сожалению, нет устойчивых позиций у бывших учебно-методических объединений, их тоже ликвидировали... С одной стороны, а с другой стороны, стандарты готовятся, очень-очень оперативно, в сжатые сроки и естественно, они потом когда читаются внимательнее и соответственно видно те огрехи, вплоть до грамматических ошибок, которые вдруг всплывают». (Законодательная власть)

Вовлечение представителей образовательного сообщества как минимум не носит систематического характера и многие представители вузов считают объем такого вовлечения недостаточным:

«Как бы проводятся совещания, заседания, но все это в таком хаотичном порядке абсолютно. Но последнее время проводятся хотя бы повышения квалификации, куда приглашают представителей разных групп. Насколько я понимаю, делаются пулы из нескольких укрупненных групп, но не учитывается мнение всего образовательного сообщества» (Высшая школа).

Парадоксальным образом, появление процедур внесения рекомендаций не изменило этой оценки, поскольку у экспертов возникло предположение о параллельном возникновении «закрытых» процедур принятия решений, позволяющих не учитывать предложения «извне» узкого круга вовлеченных в эти процедуры:

«...не всегда те предложения, которые мы вносим, они учитывают ... по-видимому, есть еще итоговое какое-то решение, какая-то рабочая группа, которая отвечает за разработчиков. Они, по-видимому, уже там, в данном случае, могут принимать какие-то свои решения. А мы уже вынуждены, получив результаты в виде приказа, решать эти задачи, хотим мы этого или нет» (Высшая школа).

Формирование экспертных коллективов. На фоне этой критики особое значение приобретает вопрос о принципах формировании команд и рабочих групп, участвующих в подготовке стандартов. В этом вопросе довольно характерно расхождение экспертов в оценке прозрачности соответствующих процедур. С одной стороны, вовлечение университетского сообщества может выглядеть вполне «открытым» и зависящим, прежде всего, от добровольного желания самих вузов принимать участие в соответствующей деятельности:

«Сама процедура, сам механизм, он тоже прописан в законодательном органе, то есть все принципиально новые направления (в том числе, и по макетированию новых образовательных стандартов) проходят стадию общественных обсуждений, слушаний, согласований и, в принципе, принимаются широко. Я думаю, те вузы, которые хотят принять участие в предварительных обсуждениях, имеют возможность это сделать» (Высшая школа).

На другом полюсе спектра оценок находится следующее представление:

«хочу отметить, что, конечно, привлекаются, прежде всего, те люди, с которыми министерство в течение многих лет поддерживает дружеские связи. Вообще, принцип кумовства является преобладающим в системе формирования кадров нашей исполнительной власти». (Высшая школа).

Такой подход к формированию команд оценивается гораздо более позитивно экспертами, входящими в круг привлекаемых специалистов:

«... к нам Министерство образования обращается. Знают наших всех людей в Минобре очень хорошо. И частенько мы туда отправляем на эти разные проекты людей, которые помогают разрабатывать все эти вещи». (Высшая школа).

Активность учебно-методических объединений также не меняет принципов формирования рабочих групп:

«Как правило, включаются те люди, которые уже принимали участие в разработке стандартов отраслевых и, как правило, рабочие группы существуют при каждом учебно-методическом объединении. Есть такие коллективчики, которые уже понимают, о чем идет речь» (Высшая школа)

Активность вузов. Сказанное выше, конечно, не означает отсутствие в вузовском сообществе потенциала разработки и апробации новых подходов к организации образовательного процесса. В качестве кейса приведем следующий опыт, описанный одним из респондентов:

«...например, взять, если московский [вуз] МАМИ. ... там молодой ректор. Они пропагандируют концепцию STEM-образования. ... они очень активно продвигают...Ну, ФГОС, поскольку, рамочный достаточно, они себе могут позволять все это. И они махом на это перешли, потратили очень много ресурсов. И сейчас, если лет 5 назад это был стагнирующий, умирающий университет, то сейчас они в плане инженерного образования поперли, и, в принципе, в некоторых аспектах нам конкуренцию серьезную составляют». (Высшая школа).

Получается, что команда, обладающая собственным представлением о том, как должен быть построен процесс обучения, в том числе и управлением качеством этого процесса (функция, обычно приписываемая образовательному стандарту), действует «поверх» стандартов и высокая оценка последних прямо коррелирует со степенью свободы, которую они такой команде оставляют. Факторам, реально определяющими направление поиска становится ориентация на лучшие международные практики, фактически, на международный стандарт качества для соответствующего типа образования.

Думается, что анализ лучших практик такого рода мог бы стать значимым элементом процесса принятия решений как минимум при обновлении стандартов, в том числе, привести к дифференциации типов стандартов для вузов, осуществляющих принципиально различные подходы к образованию.

Дифференциация вузов. Несмотря на существование официально признанных рейтингов, а также введение в последние годы различных категорий вузов, в восприятии

этой проблемы многими экспертами доминирующим признаком вуза, достойного стать площадкой для разработки стандартов оказывается факт международного сотрудничества:

«...поскольку всё-таки в стандартизации профессионального образования очень большая роль принадлежит вообще проблемам государственной политики в области образования, то, в первую очередь, сюда подтягиваются те организации, те вузы, те коллективы, которые с этим связаны. Это, наверняка, коллективы, которые участвуют в различных международных программах, связанных с евроинтеграционными процессами; вузы, которые имеют какой-то опыт взаимодействия с западными образовательными организациями; это ведущие организации страны по всем вопросам профессионального образования, в самом широком смысле.». (Высшая школа).

Понятно, что речь в данном случае идет скорее о констатации регулярно встречающегося совпадения между международной активностью и активным участием в поиске новых решений, в том числе в отношении стандартов, а также о пожелании, чтобы именно такие вузы становились ориентирами в процессе обновления образовательной системы. В действительности неформальные механизмы рекрутирования экспертов могут совпадать или не совпадать с реальным качеством работы вуза. В тех же случаях, когда такое совпадение происходит начинают формироваться и вполне ясные механизмы взаимодействия:

«Есть федеральная целевая программа развития образования. В основном, всякие разные проекты по разработке каких-то нормативных документов, проработке каких-то вопросов – это делается через ФЦПРО. То есть вузам, некоторым вузовским коллективам, которые себя зарекомендовали, выдается грант, и они разрабатывают под ФЦПРО какую-то задачу.... То есть сейчас, пока УМО не было, вот такой механизм. Либо внутри министерства зарождается проект, министерство выдергивает из университетов нормальных, знакомых им экспертов, и они там отрабатывают какие-то вещи. Есть такая схема. Либо потом часть этого проекта отходит университету и дальше он выполняет, и соответственно, дает какие-то результаты». (Высшая школа).

Представляется вполне логичным, чтобы система грантов, а также возможность активно вовлеченным в процесс стандартизации вузам становиться площадками для «обкатки» новых стандартов была формализована и узаконена. Это открыло бы возможность конкурсного и конкурентного участия вузов в разработке соответствующих решений, а кроме того, позволило бы сделать планирование и мониторинг процесса внедрения новых стандартов неотъемлемой частью стандартизации. Именно несостыковка процессов разработки и внедрения порождает больше всего проблем в учебном процессе и одним из

возможных выходов из этой ситуации видится апробация новых стандартов в статусе «пилотных проектов».

Таким образом, ключевыми проблемами, связанными с участием экспертов, представляющих профессиональное образовательное сообщество оказываются: отсутствие формализованной системы рекрутирования экспертов и формирования рабочих групп; сомнения в возможности влиять через них на принятие решений; продуктивная идея дифференциации вузов не находит механизмов практической реализации; опыт вузов, стремящихся к инновациям в структурных и содержательных аспектах учебных программ, не становится объектом систематического изучения и не учитывается при разработке стандартов; критерии определения «ведущих вузов» нередко совпадают с наличием опыта взаимодействия с лицами, ответственными за подготовку нового поколения стандартов. При этом опрошенные эксперты отмечают готовность и заинтересованность вузовского сообщества в участии. В качестве механизмов – локально уже апробированных – предлагается система грантов и выполнение вузами функций площадок для апробации новых стандартов в качестве «пилотных проектов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков С. А., Клячко Т. Л. Российское высшее образование: модели и сценарии развития. – М., 2013. – 104 с.
2. Сафронов П. Образование? Как, вы разве ничего не знаете?! // Отечественные записки. – 2014. – № 3. – С. 15–21.
3. Хагуров Т. А., Остапенко А. А. Реформа образования глазами профессионального сообщества: опыт социологического исследования. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – 230 с.

СУЛЬДЯЙКИНА Н. В.

ОТНОШЕНИЕ ЖЕНЩИН К ПОЗДНЕМУ ДЕТОРОЖДЕНИЮ И МАТЕРИНСТВУ

Аннотация. Статья посвящена проблеме позднего деторождения как социального феномена. Выявлены социальные факторы позднего деторождения, среди которых карьера, повторные браки, распространение гедонистических настроений в обществе и стандартов общества потребления. Среди опрошенных женщин-матерей выделены следующие типологические группы: прагматически настроенные; сторонники традиционного выбора; женщины, зависящие от общественного мнения; конформистки.

Ключевые слова: позднее деторождение, отложенные роды, материнство.

SULDYAIKINA N. V.

LATER CHILDBEARING AS A SOCIAL PHENOMENON

Abstract. The article studies the problem of later childbearing as a social phenomenon. The author identifies social factors of late childbearing, among them career, remarriage, the spread of hedonistic attitudes in the society and the standards of the consumer society. The interviewed mothers are divided into the following groups: pragmatically minded; supporters of the traditional choice; women dependent on public opinion; conformists.

Keywords: later childbearing, delayed childbirth, motherhood.

Российская семья на современном этапе переживает сложный период своего развития. Изменения, которые произошли в российском обществе в конце XX – начале XXI столетия, привели к трансформации потребностей человека в вопросе исполнения социальных функций, социальных ролей в брачно-семейных отношениях, традиционно обусловленных историческим опытом предшествующих поколений. Явления трансформации семьи и семейных ценностей проявляются в нестабильности в планировании детей, пассивном репродуктивном поведении, малодетности, снижении ценности детских сообществ и размывании детской субкультуры. В эпоху модерна меняются представления общества о «верхней планке» деторождения и возрастных границах материнства.

В начале XXI столетия в Российской Федерации проявила себя новая негативная тенденция в репродуктивных установках населения как добровольный отказ от деторождения, представляющая собой новую демографическую угрозу. В этом же ряду находится проблема позднего деторождения, не гарантирующая воспроизводство здорового поколения.

Мотив воспроизводства будущих поколений характеризуется посредством личностного смысла бытия человека за счет появления ребенка независимо от пола и в

любой последовательности. Мотивы репродуктивного плана являются социально-психологическим состоянием человека, которые побуждают его достигать поставленные цели путем рождения запланированного количества детей. Дети в этом случае уже определяются не только как ценность, но и как средство по эффективному достижению поставленных целей [1].

В указанном контексте А. И. Антонов и В. М. Медков выделяют социальные, экономические и психологические мотивы рождаемости (репродуктивные мотивы):

- социальные мотивы способствуют цели рождения запланированного числа детей в рамках бытовых социальных и культурных норм и традиций, являясь, по сути, индивидуальным проявлением этих норм;

- экономические мотивы являются побуждающим моментом для рождения определенного количества детей, поскольку в результате рождения могут быть достигнуты запланированные экономические цели, выражающиеся в стремлении получить какие-либо выгоды материального характера, а также в повышении или сохранении экономического статуса;

- психологические мотивы, посредством рождения запланированного числа детей, способствуют достижению личностной, внутренней цели личности [1, с. 118].

В настоящее время увеличивается продолжительность жизни, меняются роли женщины и матери в современной жизни. Сегодняшние 30–40-летние женщины отличаются от своих матерей по уровню образования, вовлеченности в социальные процессы. Они более активны, раскрепощены и способны к совмещению нескольких социальных ролей. Материнство является одной из базовых женских социальных ролей, которая, с одной стороны, накладывает определенные ограничения на социальную активность женщины, с другой – дает преимущества и расширяет ее ролевое поведение. Если потребность в материнстве заложена у женщины от природы, то ценности и нормы общества оказывают определенное воздействие на формы проявления отношения общества к матери и связанного с указанным статусом моделью материнского поведения.

Установки на деторождение у матери могут быть охарактеризованы в аспекте мотивации и потребностей женщины. В этой связи Л. Б. Шнейдер приводит результаты исследования Э. Бадинтер, проследившей изменения, которые характеризуют установки по рождению детей у женщин за последние четыре сотни лет [2, с. 71]. Э. Бадинтер приходит к выводу о мифологизированной природе понятия «материнский инстинкт». Исследователь не смогла обнаружить общей линии поведения, свойственной всем мамам. Более того исследователь отмечает серьезную перемену чувств матери в зависимости от типа культуры и приходит к выводу, что материнская любовь является понятием, эволюционирующим и

постоянно наполняемым в разные исторические эпохи различным содержанием. Э. Бадинтер отмечает, что установки матери быть лучшей или худшей для своего ребенка напрямую зависят от ценности материнства в конкретном обществе.

В настоящее время с развитием новых медицинских технологий, которые делают процесс поздней беременности более предсказуемым и безопасным, меняется отношение общества к позднему материнству, когда сроки рождения детей существенно сдвигаются относительно фертильного возраста. На протяжении последних десятилетий демографические проблемы семьи как объекта государственной поддержки стали предметом изучения различных наук. Среди социологических исследований позднего деторождения и материнства можно выделить работы А. А. Клецина [3], Н. Д. Шиминой [4], Т. В. Свадьбиной [5], Т. А. Гурко [6].

Следует заметить, что совершенствование репродуктивных технологий, включая метод экстракорпорального оплодотворения и его следствие – суррогатное материнство, требует разделения таких понятий как «позднее деторождение» и «позднее материнство».

Позднее материнство предполагает обязательное наличие биологической матери, которая сама вынашивает ребенка, после чего происходит процесс его рождения. В свою очередь, позднее деторождение не всегда требует наличия биологической матери, когда применяется суррогатное материнство и используется вспомогательная репродуктивная технология, в рамках которой в зачатии и рождении ребенка участвуют три человека: генетический отец, генетическая мать и суррогатная мать. В указанном контексте, с учетом тенденций роста числа суррогатных матерей, корректнее было ввести термин «позднее родительство», который не привязан к гендерному признаку и учитывает возможность суррогатного материнства.

Рост числа «возрастных» женщин-рожениц и проблемы, возникающие в этой связи, обуславливают интерес к социологическому изучению отношения общества к позднему деторождению и субъективно самих женщин к данному феномену, а также рассмотрению его во взаимосвязи с различными социальными факторами. В связи с возрастающей актуальностью проблемы позднего деторождения в рамках данной исследовательской работы было взято свободное интервью у женщин, проживающих в г.о. Саранск (опрошено 27 женщин в возрасте 30–40 лет, которые родили своего первого ребенка около 30 лет или после тридцатилетнего возраста).

Свободное интервью показало в целом положительное отношение опрошенных женщин к материнству. Одни считают это реалиями современного общества потребления, когда приоритетными задачами нередко является карьера, решение жилищного вопроса и достижение материальных благополучия, в связи с этим планирование детей отходит на

второй план. Другая часть женщин, несмотря на отложенное деторождение, все же склоняется к традиционно сложившимся границам первого материнства.

Среди поздно рожавших были выделены следующие типологические группы матерей: прагматически настроенные; сторонники традиционного выбора; женщины, зависящие от общественного мнения; конформистки. Рассмотрим мнения женщин каждой из данных групп.

1. Женщины-прагматики. Данную группу представляют женщины, как правило, с высшим образованием, чьи роды имели отложенный характер в силу доминирования у них материальных ценностей. Мотивация поздно рожавших мам разная, однако совершенно очевидно, что материальный аспект позднего материнства был немаловажен. Необходимо сначала обрести финансовую устойчивость, решить жилищные проблемы, успешно трудоустроиться, а уже затем планировать рождение детей. *«Женщина после тридцати более ответственно подходит к вопросам воспитания ребенка, осознанно делает выбор в пользу рождения, тогда как до 30-летнего возраста рожать бывает не всегда оправданно и целесообразно»* (женщина, юрист, 35 лет).

2. Сторонники традиционного выбора. Мнения сводятся к позиции, что с точки зрения здоровья женщины и ребенка, первые роды должны состояться в 22–26 лет, а через определенный временной интервал примерно в возрасте 30–35 лет следует родить второго ребенка. Среди безусловных плюсов раннего материнства информанты выделяли, в первую очередь, физиологические возможности женщины и риск оказаться бесплодной после тридцати лет, а также родовые трудности в позднем возрасте. Некоторые женщины относительно «идеального возраста» деторождения высказываются амбивалентно: *«и в раннем материнстве, и в позднем есть как свои плюсы, так и минусы, поэтому одного ребенка надо рожать до тридцати лет, а другого – после 30»* (женщина, преподаватель вуза, 37).

3. Женщины, зависящие от общественного мнения. Представительницы данной группы на первое место ставят важность общественного мнения в данном вопросе, но тут же указывают на аргументы медицинского характера. Следует обозначить комплекс причин, побуждающих женщин не откладывать рождение детей. В качестве мотивирующего фактора не рожать после 30-ти лет женщины демонстрируют достаточно разные точки зрения: здесь и культурный стереотип – «престарелый возраст» матери; психологический фактор, когда ребенку сложно будет воспринимать свою возрастную маму на фоне молодых мам сверстников; педагогические причины – возрастные сложности по его обучению, воспитанию, развитию. *«Сложно учить ребенка, делать с ним уроки, когда школьная программа уже подзабыта»* (женщина, продавец, 37 лет).

4. Женщины-конформистки называют, в первую очередь, субъективную причину собственного восприятия, психологический дискомфорт относительно их нахождения в среде молодых мам. *«В 37 лет в школу идешь, а там все молодые, а ты старая уже...»* (женщина, бухгалтер, 41 год).

Практически во всех высказываниях опрошенных женщин прослеживается ответственный подход к рождению детей. Особых сложностей в воспитании ребенка после тридцати-тридцатипятилетнего возраста большинство информантов не видят. Некоторые из них отмечают, что до тридцатилетнего рубежа *«поднимать ребенка еще сложнее, а уже после указанного временного промежутка несколько легче»*. Значимым фактором при этом является участие близкого социального окружения – помощь родителей, родственников, друзей, которая выражается как в психологической поддержке, так и в финансовой, так и собственные знания и опыт женщины, что упрощает процесс воспитания детей.

В вопросе распространенности позднего деторождения в России большинство информантов отметили, что в последние годы «старорождение» уже не является каким-то редким явлением и встречается повсеместно. Подобные же тенденции прослеживаются и в странах Европы, где, по мнению опрошенных, после тридцати рожают практически все женщины, и у них это стало социальной нормой. Информанты считают, что подобная перспектива в ближайшем будущем ожидает и Россию. Западные общества уже столкнулись с культурно-цивилизационными факторами возникновения демографических проблем, когда в эпоху постмодерна, массовой информатизации и глобализации женщинам все сложнее сделать выбор в пользу деторождения, когда, с одной стороны, возникают потребности развиваться, познавать мир, строить карьеру, в творческой самореализации, с другой, желание проявлять самостоятельность в решении жилищного вопроса, финансовой стабильности и снижать зависимость от мужской части населения.

Часть опрошенных отмечает, что среди их знакомых есть поздно рожавшие женщины, которые не чувствуют себя «белыми воронами», психологически не испытывают на себе давления извне или внутренний дискомфорт. Дополнительным стимулом планировать ребенка после тридцати лет является, прежде всего, возможность стать матерью, воспользоваться социальными благами (например, получить материнский капитал за второго ребенка). Именно в этом, по мнению некоторых информантов, состоит одна из мотивационных установок рожать в этом возрасте и как минимум двух детей. В зрелом возрасте женщина более осознанно планирует вложение средств от участия в программах государственного софинансирования.

Практически все женщины высказывают недовольство относительно мер государственной поддержки материнства и детства. Если с выплатами материнского

капитала проблема сейчас не выглядит острой, то в вопросе детских пособий все информанты едины во мнении – необходимо увеличивать размер социальных выплат, так как существующие нормы не обеспечивают даже элементарного питания ребенка.

Таким образом, важность позднего деторождения объясняется трансформацией установок репродуктивного поведения женщин, что обусловлено изменением ориентаций относительно жизненных и профессиональных планов. Психологи, социальные работники, философы, социологи, медики разных государств на протяжении последних двухсот лет изучают проблему материнства, обращаясь к историческим аспектам эволюции семьи, влияния религии на брачно-семейные отношения, а также в контексте развития семейного права. Однако тема деторождения как самостоятельная область знаний не признавалась в среде мирового научного сообщества до появления новых подходов к изучению гендерной социологии, социальной истории, социологии семьи. Она являлась лишь составной частью этнологических, медицинских и психологических исследований, но редко можно было встретить исследование по теме деторождения, требующей междисциплинарного изучения и осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М.: Издательский дом международного университета в Москве, 1999. – 304 с.
2. Шнейдер Л. Б. Семейная психология. – М.: Наука, 2000. – 301 с.
3. Клецин А. А. Очерк истории социологии семьи в России (конец XIX- XX в.). – СПб.: Петрополис, 2010. – 114 с.
4. Шимин Н. Д. Социально-философские проблемы семьи: учеб. пособие. – Воронеж: Воронеж. гос. технол. акад., 2006. – 135 с.
5. Свадьбина Т. В. Семья и российское общество в поиске обновления. – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. – 339 с.
6. Гурко Т. А. Феномен современного отцовства // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / отв. ред. А. Н. Седловская, И. М. Семашко. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2007. – С. 216–222.

ПЛИЧИН А. В., ФАДЕЕВА И. М.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТА-МЕДИКА:

ФАКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на формирование профессиональной идентичности студента-медика на макро-, мезо- и микроуровнях. На основе результатов социологического опроса студентов выпускных курсов медицинского института ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» анализируются их установки на получение и применение профессиональных знаний, трудности профессионального становления, фактор престижности получаемой профессии в современном российском обществе. Выделяются основные характеристики условной модели «эффективных студентов-медиков», демонстрирующих вполне сформировавшиеся компоненты профессиональной идентичности.

Ключевые слова: социально-профессиональная идентичность, студент, медицинский институт, факторы, аккредитация.

PLICHIN A. V., FADEEVA I. M.

PROFESSIONAL IDENTITY OF A MEDICAL STUDENT:

FACTORS AND PROBLEMS OF FORMATION

Abstract. The article deals with the factors affecting the formation of professional identity of medical students on macro, meso and micro levels. Considering the results of a sociological survey of students of the Medical Institute of Mordovia State University, the authors analyze their motivation for getting and using of professional knowledge, the problems of their professional development, the prestige of medical profession in the modern Russian society. The study presents a model of the effective medical student with quite developed professional identity.

Keywords: socio-professional identity, student, medical school, factors, accreditation.

В современных условиях трансформации общественных устоев меняются традиционные представления о получении знаний и навыков, а также об исполнении индивидами своих профессиональных функций. Это требует систематического определения и анализа факторов, обеспечивающих успешную профессионализацию и идентификацию выпускников высшей школы с профессией, позволяющих создавать положительные эффекты для развития российского рынка профессионального труда и общества в целом. В процессе профессиональной подготовки индивид не только получает знания, умения, навыки и первичный профессиональный опыт, но и проходит дополнительную социализацию, направленную на освоение навыков взаимодействия в обществе, приращение собственного социального капитала, формирование (конструирование) собственной идентичности.

Теоретико-методологическое и практическое исследование вопросов социально-профессиональной идентичности в гуманитарных науках началось с 1960-х годов прошлого века, хотя сам термин «идентичность» и до этого использовался в рамках различных наук и научных направлений (прежде всего, в социологии и психологии). В социологической трактовке теория идентичности представлена феноменологическим направлением, символическим интеракционизмом, а также структурно-функциональной парадигмой. Представленные научные направления рассматривают идентификацию в контексте социального взаимодействия с получением конечного результата (Э. Гофман [1]); как конечный результат процесса социализации личности, которая происходит на протяжении всей жизни (П. Бурдье [2], Э. Гуссерль [3]); как механизм социальной адаптации и общественного взаимодействия (Э. Гидденс [4], Р. Мертон [5]).

На сегодняшний день существует ряд определений социальной идентичности, под которой понимают субъективные проявления отождествления индивида с определенными социальными группами и общностями (профессиональной, религиозной, этнической и т.п.), которые являются результатом взаимодействия с ними, принятия социальных и культурных характеристик, таких как ценности, убеждения, оценки, роли, моральные нормы, а также степень интеграции с определенным социальным окружением и адаптации в нем [6, с. 6].

В рамках отечественного социологического дискурса активно обсуждаются проблемы формирования профессиональной идентичности индивида не только в ходе профессиональной деятельности, но и как результата взаимодействия системы профессионального образования и сферы профессионального труда, что дает основание говорить о многостороннем влиянии факторов в период обучения, активно формирующих идентичность будущего профессионала [7, с. 108], до нее и после. То есть можно говорить о профессиональной идентичности как о динамическом явлении, которая определяется характером ее преемственности с предыдущими уровнями социализации, мотивациями субъекта социализации и факторами профессиональной среды. Следует указать на наличие постоянно развивающегося профессионального комплекса, логика функционирования которого определяется социально-экономическим контекстом, внутренней конкуренцией и социальной идентичностью индивида.

Профессиональную идентичность можно определить как специфический аспект интеграции личностной и социальной идентичности в профессиональной реальности. Различные аспекты профессиональной идентичности подробно рассматриваются Т. Парсонсом. Он утверждал, что профессиональная идентичность и компетентность служат интересам всего общества, социальной системы и являются проявлением профессиональной роли [8, с. 188].

Несмотря на значительное число работ, посвященных сфере профессионального труда медиков, на данный момент малоизученным остается вопрос о том, какие социальные факторы влияют на формирование профессиональной идентичности молодых специалистов медицинского профиля.

Специфика социологического изучения профессиональной идентичности заключается в преимущественно макросоциологическом подходе к рассмотрению профессиональных групп в качестве структурных элементов социальной системы, трансформирующихся в ходе социальной динамики и социальных взаимодействий. Одним из важнейших факторов являются социальные трансформации, происходившие в российском обществе на рубеже XX-XXI столетий, которые привели к отторжению многих достижений советского общества и принятию новых правил капиталистического уклада. Обратной стороной процессов демократизации и либерализации социально-экономических процессов стали рост неудовлетворенности общества качеством медицинского обслуживания, переход на платность медицинских услуг, а также имеющиеся за последние годы случаи непрофессионального поведения врачей, сложно сочетающиеся с гуманистической направленностью медицинской деятельности. По оценкам ученых, до 30% выпускников медицинских вузов не трудоустраивается по специальности, при этом сфера здравоохранения испытывает дефицит кадров по ряду медицинских специализаций [9, с. 12].

Сложившиеся в ходе социально-экономического перехода российского общества деформации в системе оплаты труда (когда целые профессиональные группы работников бюджетной сферы подверглись нисходящей социальной мобильности) не были устранены за 20 лет социально-экономических реформ. Примечательно, что для российского общества несоответствие системы оплаты профессионального труда уровню сложности профессиональной деятельности является «застаревшей проблемой». В условиях снижения социального статуса, статусной рассогласованности (несоответствия различных элементов статуса, прежде всего, уровня квалификации и уровня оплаты труда), медицинские работники массово стали включаться во вторичную занятость вне основного места работы, что вызвало снижение качества оказываемых медицинских услуг населению, существенную деформацию системы профессионализации и, как следствие, массовый выход из профессии.

Институт образования и профессионализации на мезоуровне выступает фильтром для отбора. Он, с одной стороны, служит базой для подготовки будущих медиков к врачебной деятельности, с другой, тестирует наиболее талантливых и профпригодных. В любой период исторического развития в обществе отмечалась важность не только профессиональных знаний, умений и навыков врача, но и его личностные качества, моральный и нравственный облик в повседневных социальных практиках. В настоящее время подготовку по

медицинской профессии обеспечивают как профильные медицинские вузы, так и факультеты (институты) классических университетов. Согласно статистике по вузам России на 01.01.2017 г., в стране обучалось 152 009 студентов-медиков. Большинство из них получают образование в г. Москва (40 085 чел.) и г. Санкт-Петербург (13 393 чел.). В Республике Мордовия обучается 1110 студентов-медиков [10]. Такое число обучающихся медицинской профессии требует внимания специалистов различных отраслей знаний, включая социологов.

На сегодняшний день личность врача изучается как базовый элемент медицинской деятельности, который обуславливает гуманистические начала врачебного труда. Проблемным аспектом при этом является повышение уровня самосознания, становление и развитие социальных и профессиональных навыков врача, обретение профессиональной идентичности [11, с. 3]. В данном аспекте актуализируются факторы ее формирования на микроуровне, а именно семейное окружение, трудовые династии, профессиональная среда, собственные способности индивида и качества личности.

Проблематика профессиональной идентичности студентов-медиков актуализируется на этапе получения знаний и умений, первичных навыков профессии, которые закладываются в высшей школе, однако, при этом важно учитывать, что в силу особенностей возрастного развития время обучения в вузе определяется как сенситивное для формирования профессионального самосознания, характеризуется повышенной чувствительностью, склонностью к сомнениям, фиксацией на своих переживаниях и неуверенностью в себе. В конечном счете, студент медицинского профиля сталкивается с существенным противоречием, выражающемся в желаемом (идеальном) и имеющемся (актуальным) уровне развития своей личности и личности практикующего врача, которая проявляется в комплексе проблем профессионального становления идентичности студента-медика в рамках образовательного процесса в высшем учебном заведении. Следует отметить, что эти вопросы остаются слабо проработанными в социологии.

В декабре 2016 года нами был проведен анкетный опрос, в котором приняло участие 203 студента 6 курса медицинского института МГУ им. Н. П. Огарёва (20,4% юношей и 79,6% девушек). Первый блок вопросов анкеты был посвящен установкам студентов, которые затрагивали их социальную идентичность, последующие блоки – изучению факторов, которые влияют на профессиональную идентичность. У студентов также выяснялось, какие мотивы были основными при выборе профессии медика.

Проведенный опрос показал, что для большинства основными мотивационными предпосылками стали: интерес к выбранной профессии (80,6%), желание их родителей (28,6%), востребованность врачей на рынке профессионального труда (20,4 %). При этом большинство студентов выделяют престижность профессии врача (72,4%), хотя пятая часть

опрошенных считает ее непрестижной (20,4%). Представленное распределение ответов свидетельствует о профессиональной самоидентификации большинства студентов-медиков.

Следует также отметить, что три четверти опрошенных студентов (73,4%) относят себя (и свою семью) к среднему классу, а в качестве основных индикаторов социального статуса медика выделяют: уровень материальной обеспеченности (25,2%), уровень образования (17,9%), доход (15,9%), образ жизни (15,7%), престиж профессии (11,8%). Данный ранжир ставит материальный и образовательный статусы на первые позиции, которые, с одной стороны, определяют желаемый статус человека «медицинской профессии», с другой, свидетельствуют о получаемом образовании как их главном статусе в настоящее время.

Немаловажным фактором получения знаний, умений и навыков, необходимых для профессии медика, являются условия, при которых происходит процесс обучения в высшем учебном заведении. От качества образования, квалификации профессорско-преподавательского состава, наличия необходимой современной медицинской литературы и других сопутствующих факторов (например, от инфраструктуры вуза, организации питания и т.п.) зависит общая удовлетворенность от процесса получения новых знаний, профессионального становления будущего врача. В ходе опросе выяснилось, что период обучения недовольство у некоторой группы студентов вызвали нехватка учебной литературы (39,4%), состояние учебных помещений (аудиторий) (31,1%), организация учебного процесса (22,8 %). Часть студентов высказала свое неудовлетворение организацией питания в вузе (37,6%), поскольку, с одной стороны, за посещением учебных занятий осуществляется строгий контроль, с другой – в силу длительной продолжительности учебных занятий (а многие живут в общежитиях) у них не остается времени на организацию полноценного питания.

Как и во многих других странах, миграция в России имеет выраженный возрастной профиль, пиковые значения ее интенсивности приходятся на годы получения высшего образования [12, с. 169]. Причем исследователи выделяют регионы с миграционным приростом и миграционной убылью, где Республика Мордовия (РМ) относится к регионам повышенного миграционного оттока когорты 17-21 года. Несмотря на достаточно комфортные условия обучения, многие не желают связывать свою профессиональную жизнь с данным регионом. По окончании обучения более половины опрошенных студентов планируют переехать в другой регион (51,4%). Миграционные настроения студентов-медиков можно объяснить следующими причинами: желанием вернуться на малую родину (некоторые студенты приехали учиться из других регионов); нежеланием работать из-за низкого уровня оплаты труда в РМ; сложностями трудоустройства без необходимых связей.

Остановимся на факторах профессиональной идентичности, которые формируются на этапе освоения профессиональных норм и ценностей. Среди основных факторов, влияющих на труд медика, студенты выделили: профессиональное знание (30,5%), стремление к повышению уровня профессионализма (20,8%), личный вклад, талант (17,7 %), собственную удовлетворенность профессией (12,1%), материальное стимулирование труда, достижение высокого социального статуса (11,9%). Как видно из опроса, факторы нематериального характера имеют для студентов более высокий ранг, чем материальные. Немаловажным аспектом профессиональной идентичности у будущего врача является призвание, и проведенный опрос показал достаточно высокий уровень самоидентификации студентов относительно их призвания к профессии – 82,5 % (отсутствие призвания отметили только 6,5% респондентов, 11,0% – затруднились с ответом). Возможно, данный показатель является несколько завышенным, поскольку судить о призвании объективно можно лишь спустя годы профессионального труда.

Интересным представляется распределение ответов на вопрос анкеты «Если бы Вы снова начали свою учебную деятельность, выбрали бы профессию медика?». Группа опрошенных практически разделилась на две части: повторно поступили бы на данную специальность 48,5% респондентов, 44,4% ответили студентов отрицательно. При этом 63,2% студентов не хотели бы, чтобы их дети получили в будущем медицинское образование, положительный ответ дали около четверти респондентов (28,7%). Представленное распределение ответов, скорее всего, свидетельствует не о разочаровании в профессии, а о более реалистичной оценке собственного профессионального выбора, сопряженного с трудностями в получении образования, определенным негативным опытом (например, случаями коррупции, на которые указала около трети опрошенных), издержками в организации учебного процесса (устаревшие технологии, нехватка квалифицированных преподавателей), а в дальнейшем и со сложным трудом.

Студенты также выделили некоторые аспекты профессиональной деятельности, которые вызывают у них затруднения: страх установления диагноза (16,8%) и причинения вреда здоровью из-за личной неуверенности (24,2%); при назначении медикаментозного лечения (16,2%); в использовании недостаточной (часто устаревшей) диагностической базы, из-за которой порой невозможно оказать помощь в полной мере (16,1%). По мнению большинства респондентов, приоритетом будущей профессиональной деятельности для них является лечение больных, при этом отмечается недостаток практических знаний.

В соответствии с положениями ФЗ «Об охране здоровья граждан», медицинской деятельностью могут заниматься лица, которые имеют медицинское образование и сертификат специалиста. Такие правила действовали до 01.01.2016 года. Аккредитация

медицинских работников с 2017 года предполагает замену сертификата на свидетельство об аккредитации медицинского работника [13]. Под аккредитацией специалистов понимается специальная процедура, в ходе которой определяется уровень готовности сотрудников, имеющих профессиональное медицинское образование, к самостоятельному осуществлению медицинской деятельности в соответствии с полученной специальностью. Уровень соответствия определяется действующим законодательством, медицинскими стандартами и порядками оказания медпомощи. Врачи должны пройти первичную аккредитацию после окончания обучения по программам высшего медицинского или послевузовского образования. Повторная аккредитация проводится не реже одного раза в 5 лет по программам дополнительного профессионального образования и в соответствии с порядком, установленном законодательством. В свете последних изменений необходимо было узнать мнение студентов по вопросу будущей аккредитации. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что только 12,7% опрошенных положительно относятся к будущей аккредитации, чуть больше – нейтрально (18,1%), более половины студентов – отрицательно (55,3%).

Обобщив результаты, были выделены основные характеристики условной модели «эффективных студентов-медиков», демонстрирующих профессиональную идентичность:

- эффективность подготовки в вузе оценивалась по субъективному показателю «качество профессиональной подготовки» (39,4% положительных оценок); достаточный для работы уровень профессиональных знаний, умений и навыков студентов (55,5%);
- интерес к выбранной профессии (80,6%); показатель «самоидентификация с профессией» (68,3%);
- уровень психологически положительно настроенных студентов на профессию (30,5%); готовность положительно (12,7%) или нейтрально (18,1%) воспринимать реформы, включая аккредитацию медика.

Таким образом, в ходе исследования получены амбивалентные результаты, которые демонстрируют разнонаправленные тенденции: при высоком интересе к профессии (более 80%) и самоидентификации себя с ней (около 70%) студенты показывают достаточно низкие значения «положительно воспринимающих себя в профессии» (30%), неуверенность в ней, которые респонденты связывают, в том числе, с неэффективной подготовкой в вузе (60%). При сложившейся ситуации можно спрогнозировать сохранение оттока из профессии до трети выпускников вуза, а также высокий потенциал миграции выпускников из региона, принимающего на обучение. Вместе с тем, следует признать, что одной из причин студенческой неуверенности в будущей профессии является усиливающаяся фрагментарность образования как явления постиндустриального общества и моральное

отчуждении человека от результата своего труда. Данные предпосылки будущих трудовых практик студентов-медиков необходимо нивелировать формированием новых принципов идентификации личности, основанных на чувстве ответственности и моральных обязательствах по отношению к окружающим людям, повышении значения самоорганизации личности и ее самообразования, критического мышления и готовности к решению проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 304 с.
2. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени / пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.
4. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / под ред. Ю. А. Кимелева. Серия «Социология». – М.: ИНИОН РАН, 1995. – 453 с.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
6. Зотова И. Г. Социальная идентичность преподавателей высшей школы: автореф. дис... канд. социол. наук. – Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та, 2011. – 26 с.
7. Фадеева И. М. Профессионализация и депрофессионализация в современном российском обществе: взгляд социолога // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 1 (33). – С. 108–113.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. с англ. Л. А. Седова / под общ. ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 266 с.
9. Денисова О. В. Становление профессиональной идентичности студента-медика в образовательном процессе вуза: автореф. дис... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 26 с.
10. Статистика студентов-медиков по вузам и регионам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.medcampus.ru/Home/DetailedStatistic>.
11. Леонова В. А. Депрофессионализация в медицине как медико-социальная проблема: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Волгоград: ВолгГМУ, 2013. – 28 с.
12. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. – 2016. – № 3. – С.169–203.
13. Аккредитация медицинских работников с 2017 года и ее порядок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdrav.ru/articles/4293652649-qqq-16-m11-24-11-2016-kak-budet-prohodit-akkreditatsiya-meditsinskih-2017>.

ПОПОВА Л.А., ФАДЕЕВА И.М., ЮРЛОВА Е.М.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ,
ОПРЕДЕЛИВШИЕ ВЫБОР ВУЗА ПЕРВОКУРСНИКАМИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема выбора вуза под влиянием профессиональных и социальных факторов. На основе результатов социологического опроса первокурсников ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» была выявлена взаимосвязь между выбором вуза и социальными факторами (ресурсами семьи, образованием и должностью родителей и т.д.). Сделан вывод, что выбор вуза и специальности/направления подготовки студентами-первокурсниками имеет во многом «зависимый» и опосредованный характер. Показана корреляция между некоторыми элементами выбора: знаниями о профессии и уверенностью в выборе направлений подготовки; критериями выбора специальности и должностным статусом родителей студентов и др.

Ключевые слова: студенты-первокурсники, профессиональный выбор, влияние родителей, образование родителей, интерес к профессии, карьера.

POPOVA L.A., FADEEVA I.M., YURLOVA E.M.
CHOOSING A UNIVERSITY BY FIRST-YEAR STUDENTS:
PROFESSIONAL AND SOCIAL FACTORS

Abstract. The article considers the process of choosing a university influenced by professional and social factors. The results of a sociological survey of first-year students of Ogarev Mordovia State University show a dependence of their choice of a university on social factors (family resources, parents' education and employment, etc.). It is concluded that the choice of a university and fields of study/training programs by first-year students is largely dependent and mediated. The study shows a correlation between some elements of making a choice of a university: knowledge of profession and confidence in the choice of field of study; the choice of training program and parents' employment, etc.

Keywords: first-year students, professional choice, parental influence, parents' education, interest in profession, career.

В современном обществе выпускники школ оказываются перед сложным выбором – будущей профессии и места его получения. Введение единого государственного экзамена (ЕГЭ), с одной стороны, увеличило шансы на поступление в вузы, с другой, – по времени отодвинуло этап самоопределения, связанного с выбором специальности/направления подготовки и вуза, которые стали зависеть от его результатов. Данное обстоятельство обуславливает многочисленные исследования поведения выпускника школ в ситуации

профессионального выбора и факторов, его определяющих.

Выбор вуза является основным этапом профессионального самоопределения для большинства выпускников российских школ, а для вуза активное привлечение новых когорт способной и талантливой молодежи символизирует его престижность для будущего студенческого контингента. Очевидно, что проблема выбора вуза на сегодняшний день имеет большое значение как для абитуриентов, так и для руководства вузов. Для первой группы важным является получение образования, удовлетворяющего потребности в уровне и качестве, а для вторых – удовлетворение запросов выпускников школ и их семей.

Вузовское образование – это не только следующая ступень образования, для человека – это новый этап его жизни. Для одних студентов вуз – это, прежде всего, среда общения и социализации, для других – профессиональная среда, которая связана с будущей профессией. Имеющиеся у молодежи представления о профессии оказывают существенное влияние на ее развитие и, наряду с интересами, ценностями, выступают в качестве регуляторов профессионального выбора и самоопределения. Разносторонние представления о профессии проявляются в сознательном выборе вуза, факультета и специальности/направления подготовки с учетом интересов, желаний, возможностей и способностей.

Большое значение имеют и социальные факторы, которые влияют на реализацию профессионального выбора российской молодежи, которые проявляются в специфических условиях усложняющейся социальной реальности [2, с. 4]. В отечественной науке отмечается, что на самоопределение большую роль оказывают мотивация и целевые ориентации [4]. Вместе с тем, усиливается влияние семьи, интернета и СМИ на поведение в ситуации выбора, делая этот процесс все более опосредованным.

Проблема самоопределения в профессии как части социально обусловленного выбора актуальна в настоящее время в связи с интенсивным взаимодействием сферы профессионального образования с другими сферами общества, поэтому она находит свое отражение во многих исследовательских работах. Несмотря на то, что сущность профессии была раскрыта еще в классической социологии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс) и были разработаны критерии выделения профессий и профессиональных групп (Г. Миллерсон, Р. Повалко, А. Флекснер) [2, с. 5], современное поведение выпускников российских школ интенсивно изучается в связи с экспансией высшего образования [4] и его влиянием на стратификацию, социальную мобильность и жизненную перспективу человека.

Ученые Д. Л. Константиновский и Е. С. Попова в статье «Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования» рассуждают об отношении общества к образованию, планировании образовательных траекторий и личных планах школьников на поступление в

вузы [3, с. 39]. Авторы утверждают, что выбор определенной профессии носит более конкретный характер, чем интерес к продолжению образования, и связан с более дальним горизонтом планирования. При этом имеет значение то, чем молодой человек предполагает заниматься через несколько лет после получения профессионального образования [3, с. 42].

И. В. Абанкина и другие соавторы говорят о препятствиях структурного характера, которые подстерегают первокурсников при выборе вуза, так как рынок образовательных услуг демонстрирует то расширение, то сжатие. Они приводят данные по приему студентов в профессиональные учебные заведения и численности выпускников школ в России [1]. Исследователи отмечают, что «Министерство образования и науки РФ каждый год увеличивает контрольные цифры приема на подготовку кадров по приоритетным направлениям модернизации, за пять лет они в целом выросли на 9%», при этом снижая контрольные цифры приема на гуманитарные, экономические, юридические специальности (за последние годы в среднем на 30%). Несмотря на указанный тренд, многие абитуриенты «по-прежнему выбирают именно эти специальности, обещающие успешное трудоустройство и высокий доход в будущем» [1, с. 105]. Как отмечают ученые, «зарплата инженера в России остается низкой, а возможности карьерного роста значительно хуже, чем в отраслях сервиса. В условиях противоречивых сигналов, поступающих с рынка труда, семьи не спешат менять свои приоритеты и ориентируют абитуриентов на востребованные, по их мнению, специальности» [1, с.110]. Очевидно, что политика государства относительно эффективности системы высшего образования будет меняться, будет зависеть от смены экономического курса, что отразится на поведенческих стратегиях новых поколений выпускников школ.

Динамика поступающих на программы высшего образования связана со спросом на образовательные услуги и предложением вузов в тех или иных регионах России. Согласно данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия количество молодых людей, поступивших в вуз, то падает, то растет (см. табл.1). Во-первых, это зависит от демографической ситуации в данном и близлежащих регионах; во-вторых, от направлений подготовки/специальностей, которые может предложить вуз, удовлетворяя интересы абитуриентов; в-третьих, с академической миграцией, связанной с выбором вузов городов Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, связывая с поступлением и дальнейшее трудоустройство в указанных регионах.

Таблица 1

Число студентов, поступивших в образовательные организации высшего образования Республики Мордовия, чел. [5, с.179]

2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16
7043	8755	7433	6945	7577

При поступлении в вуз абитуриент встречает на своем пути множество трудностей: это недостаточное понимание того, что представляет собой та или иная профессия, в чем ее специфика, незнание собственных склонностей и способностей к ней, а также множество социальных проблем (новая социальная среда, люди, нередко и новое место жительства, иной уровень жизни и условия социализации). При массовом образовании в вузы нередко поступают абитуриенты с несформированными профессиональными представлениями, результатом чего является разочарование в профессии, депрофессионализация и некоторые другие социально негативные явления.

В основу статьи легли эмпирические данные, полученные методом анкетирования в декабре 2016 г. среди первокурсников ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Выборочная совокупность включала 282 студентов-первокурсников трех направлений подготовки: гуманитарного (филологического факультета, факультета иностранных языков, историко-социологического института), естественно-научного (институт физики и химии) и технического (факультет математики и информационных технологий, институт электроники и светотехники). Предметом исследования стало установление взаимосвязи между выбором вуза, специальности/направления подготовки и социально-профессиональными факторами, определившими данный выбор. В исследовании были поставлены задачи: определить механизм профессионального выбора; выяснить факторы, повлиявшие на выбор вуза, факультета, специальности; определить степень удовлетворенности первокурсников выбором профессии, факультета и специальности и вуза; установить мотивацию первокурсников к выбору вуза и установить агентов профессионального выбора.

Важным фактором в профессиональном самоопределении и выборе образовательной организации для ее получения является знание о той или иной профессии, а также знание о вузе и вузовской системе в целом. Поэтому один из вопросов был направлен на выяснение того, насколько первокурсники представляют, в чем заключается их будущая профессиональная деятельность и насколько она им подходит. Согласно полученным результатам, «имею некоторые представления» – самый популярный ответ по всем специальностям (гуманитарные – 39,9%, естественно-научные – 50,5%, технические – 54,8%). Четче остальных представляют себе свою будущую профессиональную деятельность студенты гуманитарных специальностей – 38,1%, несколько ниже эти результаты у студентов естественно-научных (25,4%) и технических направлений подготовки (29,7%) (см. рис.1). Более высокие результаты по гуманитарному блоку профессий связаны с известным стереотипом и сложившимся рынком труда гуманитариев, но при этом развивающимся рынком труда технических и естественно-научных направлений подготовки.

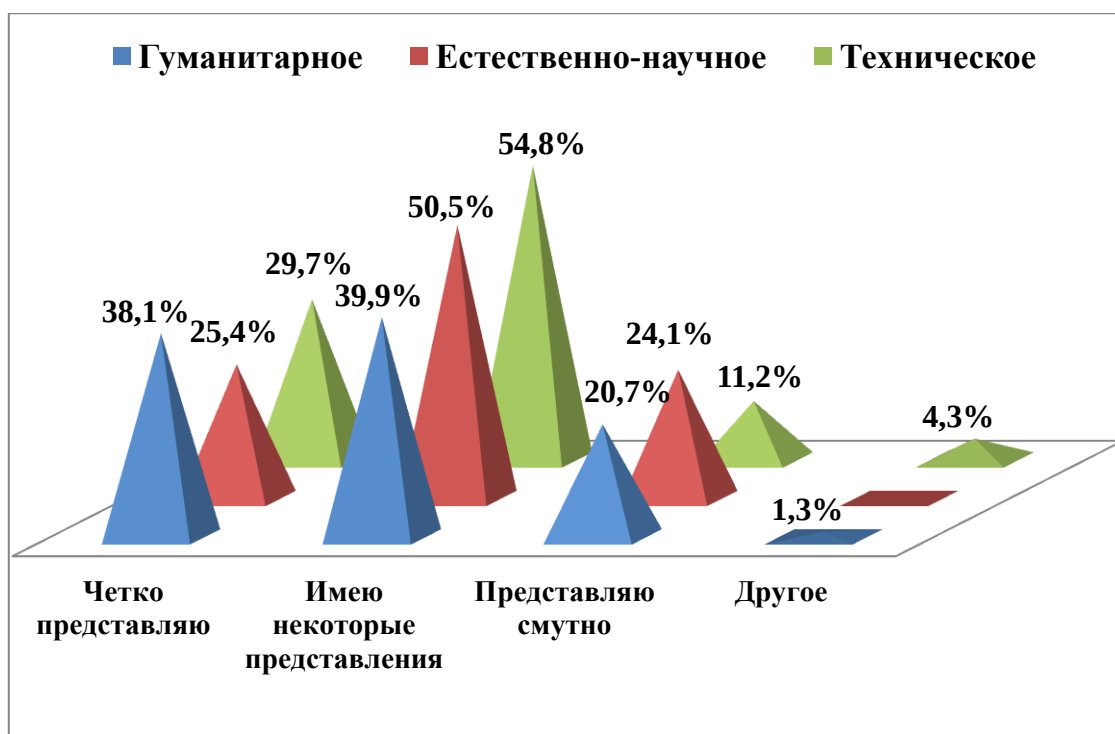


Рис.1. Уровень представлений первокурсников о выбранной профессии

Как известно, уверенность в профессии является одним из главных критериев успешности человека. Наиболее уверенными себя чувствуют обучающиеся технических специальностей/направлений подготовки (64,4%), именно они демонстрируют выше показатели относительно представлений о своей профессии (по совокупности двух ответов: «четко представляю» и «имею некоторое представление» – 85,0%). За ними следуют гуманитарные специальности (52,9%) и, как указывалось, выше представителей, четко представляющих свою профессию. В группе естественно-научных направлений уверенных в выборе профессии чуть меньше первокурсников (45,7%); здесь же наименьшая доля, имеющих «четкие представления о профессии» по всей выборке опрошенных. Исходя из данных двух вопросов, получаем, что первокурсники не до конца осознают выбор своей профессии. Низкая степень представлений о профессии и уверенности в своем выборе, на первый взгляд, является закономерным процессом самоопределения, однако, также указывают на слабую довузовскую проработку этих вопросов, нередко стихийный выбор и профессии, и вуза.

Какие же социальные факторы повлияли на выбор вуза? Согласно представлениям первокурсников о престижности вуза, он определяется качеством образовательных услуг, масштабом, наличием многопрофильной специализации, доступностью жилья (общежития) и умеренных цен на платных формах, позволяющих получать образование детям из семей со средним уровнем доходов.

Вопрос о социально-профессиональной ориентированности родителей студентов-первокурсников был задан с целью выявления зависимости между образованием родителей и их детей. Так, в каждой специальности до трети респондентов отметили, что у их родителей имеется высшее образование (причем ответы распределились достаточно равномерно: гуманитарные – 30,4%, естественно-научные – 31,2%, технические – 27,5%). Уровень образовательных и профессиональных характеристик семьи студента связан с ее запросами на соответствующий уровень и профиль образования. Так, студенты технических специальностей чаще указывают на должностной статус родителей в позиции «Руководитель» (21,9%) (в других группах на эту должность указывают в два раза реже) и самое минимальное число ответов «Пенсионер, безработный» (7,6%) (см. рис.2). Остальные должностные позиции родителей не имеют значимых различий по группам подготовки детей. Данный фактор связан с влиянием должностного статуса родителей-руководителей на выбор того направления обучения детей, которое более перспективно на рынке труда.

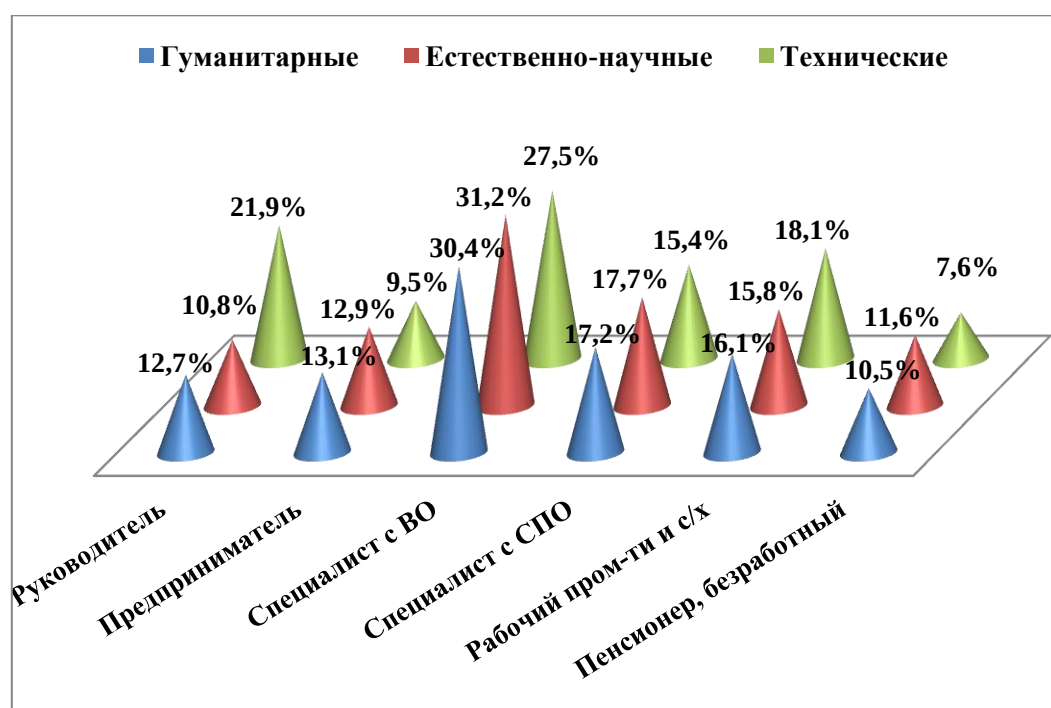


Рис.2. Взаимосвязь должностного статуса родителей и направления подготовки детей

Анализ результатов анкетирования позволил выявить, откуда абитуриенты получают информацию о своей будущей профессии. Наибольшее количество выборов получил вариант ответа «интернет» (34,4%). Среди технических и гуманитарных специальностей/направлений подготовки был также популярен ответ «родственники, друзья и знакомые» (20,9%). Среди естественно-научных специальностей – «приемная комиссия» (17,7%). Данные распределения говорят о довольно высокой степени «зависимого» выбора и показывают, что

мнение родителей и близких родственников оказывает сильное влияние на выбор профессии выпускниками школ, поскольку именно они обладают ресурсами, необходимыми для получения высшего образования. Влияние фактора «приемная комиссия» говорит о том, что абитуриенты нередко свой выбор делают в стенах вуза. Наименее популярным среди опрошенных был ответ «учителя» (5,6%), что отражает достаточно низкий уровень влияния учительского сообщества на профессиональный выбор молодежи.

Проведенное исследование позволило выяснить влияние институциональных факторов. На всех специальностях важной составляющей выбора является профессионализм преподавателей (66,3%). Можно предположить, именно с этим фактором связано качество получаемого образования, так как основной мотивацией первокурсников (под влиянием агентов профессионального выбора) является получение профессиональных знаний; меньше всего студентов волнует наличие развитой образовательной инфраструктуры (библиотеки, учебные аудитории, буфеты и т.п.).

Один из вопросов был направлен на выявление основных критериев и мотиваций при выборе вуза и специальности (см. табл. 2). Как следует из таблицы 2, на выбор вуза и специальности/направления подготовки в значительной мере повлияло мнение родителей, карьерные перспективы и интерес к профессии.

Таблица 2

Критерии выбора вуза и специальности/направления подготовки

Критерий	Выбор вуза, %	Ранг	Выбор спец., %	Ранг
1. Мне интересно	13,4	2	21,8	1
2. Престижно	10,3	5	10,7	4
3. Было много бюджетных мест	8,1	7	9,4	5
4. После обучения можно сделать хорошую карьеру	12,1	3	12,1	3
5. Повлияло мнение родителей (родственников)	18,5	1	18,9	2
6. По советам друзей/ знакомых	5,8	8	4,1	8
7. По советам учителей	4,7	10	3,8	9
8. Влияние приемной комиссии вуза	9,4	6	7,9	6
9. Близость к дому	10,5	4	4,4	7
10. Учились здесь родители/родственники	5,1	9	2,5	11
11. Мне было все равно, где учиться	1,9	11	3,5	10

Исследование мотивов профессионального выбора показало, что важным фактором выбора специальности и вуза является *личный интерес и мнение родителей*. Причем личный интерес чаще указывают при выборе специальности (21,8%), а *мнение родителей* как при выборе специальности (18,9%), так и при выборе вуза (18,5%). Высокие позиции *влияния родителей* связано с тем, что они берут на себя основные расходы во время обучения студента и, соответственно, подбирают для своего ребенка те варианты, которые потенциально реализуемы как с образовательной (по результатам ЕГЭ), так и с материально-финансовой точек зрения. Родители становятся основными агентами выбора в условиях высокой неопределенности на рынках образовательных услуг и труда, разделяя тем самым риск возможного неуспешного выбора.

Третий по значимости фактор – *карьера*. Он определяет не только вклад высшего образования в развитие личности студента, но и отдачу от его получения. Карьерные перспективы важны также и с точки зрения будущей восходящей мобильности, важной для реализации амбиций и потребностей молодежи.

Часть студентов продемонстрировала конформистские настроения, выбрав позицию «близкого к дому» расположения вуза (10,5%). Также стоит учесть, что критерий «учились здесь родители или родственники» представлен достаточно низкими значениями при выборе вуза (5,1%), еще более низкими – при выборе специальности (2,5%), что свидетельствует о том, что семейная традиция в настоящее время не оказывает существенного влияния на выбор профессии, молодежь не стремится следовать семейным династиям.

В вопросе о факторах успеха мнения разделились: студенты гуманитарных специальностей считают, что будущая карьера требует получение многопрофильного образования (36,4%), будущая профессия потребует от них разносторонних околоспредметных знаний. Студенты технических и естественно-научных специальностей уверены, что им необходимо углубленное образование (26,2%), так как добиться успеха в своей профессии они смогут только, если сконцентрируются на изучении дисциплин, напрямую связанных с будущей профессией.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы.

1. Основными факторами, повлиявшими на выбор вуза первокурсниками МГУ им. Н.П. Огарёва стали: влияние мнения родителей, статуса вуза как фактора будущей карьеры, его близость к дому, а на выбор специальности – интерес к учебе, влияние мнения родителей, карьерная перспектива и престижность профессии.

2. Основу мотивации первокурсников составляет получение профессиональных знаний и умений, при выборе специальности профессиональная обусловленность играет более значимую роль, чем социальная. Несмотря на то, что в настоящее время представления

о степени удовлетворенности первокурсников выбором профессии (факультета, специальности) и вуза еще окончательно не сложились, обнаружена корреляция между некоторыми элементами выбора: знаниями о профессии и уверенностью в выборе конкретных специальностей; критериями выбора вуза и выбора специальности. Для значительной доли опрошенных основой выбора послужила будущая карьерная перспектива.

3. Выбор вуза и выбор специальности/направления подготовки студентами-первокурсниками имеет во многом «зависимый» и опосредованный характер. Основные агенты профессионального самоопределения – родители (родственники), приемная комиссия и интернет, в меньшей степени – учителя школ и друзья/знакомые. Только пятая часть опрошенных отметила, что механизм профессионального выбора у них строился, исходя из собственных интересов, однако, позволим предположить, что он также обсуждался в семье и был одобрен родителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Филатова Л. М., Николаенко Е. А. Тенденции изменения общественного спроса на высшее образование современной России // Вопросы образования. – 2012. – №3. – С. 88–112.
2. Касаткина Н. П. Динамика профессионального выбора молодежи в системе «школа – вуз – рынок труда»: социоструктурный анализ: автореф. дис ... канд. соц. наук. – Саранск, 2013. – 24 с.
- 3 Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. – 2015. – №11. – С. 37–48... ... канд. соц. наук; ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва» – Саранск, 2013. – 24 с.
4. Малошонок Н. Г. Семенова Т. В., Терентьев Е. А. Учебная мотивация студентов российских вузов: возможности теоретического осмысления // Вопросы образования. – 2015. – №3. – С. 92–121.
5. Мордовия. Статистический ежегодник – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/resources/604c39804004ac2d9622be1064aaefc4/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA+%282016+%D0%B3%D0%BE%D0%B4%29.pdf (дата обращения 25.03.2017).